

АЛЕКСАНДР СИВИНСКИХ
ОТКРЫТИЕ
ИНДИИ

[сборник фантастических повестей и рассказов]

Александр Сивинских
Открытие Индии (сборник)

«Автор»

Сивинских А. В.

Открытие Индии (сборник) / А. В. Сивинских — «Автор»,

Сборник рассказов современного российского фантаста, которого отличает необычный взгляд на любые ситуации и редчайшее умение вовлечь читателя в мир своих произведений – то подчёркнуто ироничных, то откровенно провокационных, но всегда предельно достоверных. Альтернативная история и дальний космос, городское фэнтези и стимпанк – место в сборнике нашлось всему. Однако за разнообразием сюжетов никогда не теряется автор – остроумный, запоминающийся рассказчик.

© Сивинских А. В.

© Автор

Содержание

1. Открытие Индии	5
Открытие Индии	5
...Только в профиль	26
На излёте	34
Скорый вне графика	40
Смертельная рана бойца Сысоева	47
Фактор массы	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Сивинских

Открытие Индии (сборник)

1. Открытие Индии

Открытие Индии

Разрешить к публикации в МОЕЙ редакции, с МОИМИ примечаниями. Все совпадения с реально существовавшими фактами и людьми объявить случайными.

Начальник Третьей Индийской экспедиции Джаггернаут И.И.

Автор предупреждает, что все совпадения фактов биографии героя произведения с фактами биографии Чкалова Валерия Павловича и других реально существовавших и существующих ныне людей – случайны. Случайны также совпадения большинства фамилий.

Советский военлет Валерий Черемша сидел на «губе». Сидел он, лежа на заправленной казенной койке, расслабленно вытянув большое тело поверх синего верблюжьего одеяла, смятого, но не далее чем полчаса назад красиво «отбитого кирпичиком». На нем была любимая кожаная куртка – расстегнутая и на голое тело. Ноги его, босые, с подвернутыми до середины икр бриджами, были закинута на блестящую кроватную спинку. Он с отвращением курил дрянную «Гуцульскую» сигарету, засунутую по самое «не могу» в выдавший виды мундштук, и выпускал к крашеному охрой потолку клубы кислого, вонючего дыма. Краска на потолке растрескалась. Обычно загадочные криптограммы трещин сегодня совершенно недвусмысленно сообщали Валерию, что ближайшее будущее его незавидно. Ещё бы! Вчера он вдрызг разругался с комэском Петром Золотаревым, очень славно дал ему в рыло и обозвал Пидаром Дерьмовозовым. Пока душевные и телесные раны командира не затянутся, хорошего курева не видать – знал Черемша.

Но арест он заработал вовсе не за драку. По правде сказать, он его вообще не «зарабатывал» – имел как данность: ежедневную и непреходящую. Он уже порядком пообжился на гауптвахте, владел именной камерой с умывальником, шкафом для личных вещей, радиорепродуктором, редко пустующим буфетом и даже бывал навещаем по ночам фигуристой сестричкой Люсей из санчасти. Что поделаешь, так уж повелось – летное лихачество, хоть и высокоступенное, надлежит примерно наказывать. Во избежание тиражирования. А поскольку ведущим асом и лихачом эскадрильи безоговорочно был признан он, Валерий Черемша, летать раз за разом под Троицким мостом на потеху разнокалиберным делегациям приходилось тоже ему. И, соответственно, получать затем привычные девять суток гарнизонного ареста.

Делегации посещали эскадрилью не так чтобы часто. Но зато когда заявлялись... тут уж не шали: вынь да положь им знаменитое черемшинское мастерство! Валерия (и камеру) к очередному начальственному набегу принимались готовить ещё накануне. Отменяли подачу к ужину спирта, выметали окурки и объедки. Приказывали побриться и начистить сапоги, которые, как известно, второе (если не первое) лицо военнослужащего. Посетители, зашедшие посочувствовать прославленному мастеру и ветрогону, заставляли его придиричиво конспектирующим труды классиков марксизма или колотящим боксерскую грушу, доставаемую специально для этого момента из-под койки. Посетители (то старые большевики, то усатые ветераны Конармии, то делегаты очередного партсъезда, то коминтерновцы, а то и просто наркоматовцы

или военные шишки) умилялись и брались давить на комэска, дескать, не мешало бы отпустить парня, видно же – вину он осознал... Под их могучим напором Золотарев, воскликнув «эх» и отчаянно махнув рукой, сдавался, и Валерий обретал свободу. Платить за нее приходилось показательным воздушным эквилибром.

Черемша, оседлав верный Фоккер-Д-7 с гигантскими алыми звездами на плоскостях, лихо влетал под исторический мост, едва не задевая крыльями за каменные быки. Мотор самолета громогласно гудел (к корпусу самолета были прилажены особые дощечки, с треском ударяющие о вращающийся пропеллер – для усиления звука), посетители хохотали навзрыд от гордости за мастерство смелого сокола Страны Советов, хлопали друг друга по облитым черным хромом плечам и утирали слезы счастья обветшалыми шлемами с синей ситцевой звездой. А порой ещё и палили в воздух из знаменитых «комиссарских» маузеров – 7,63-миллиметровых «Боло» конструкции 1896 года.

После красивой рискованной посадки Валерия Черемшу поздравляли, ласково журили за ненужный риск, арестовывали и препровождали на «губу». Там его уже ждали двести пятьдесят граммов доброй водки, обильная закуска и послушное, горячее тело медшлюшки Люски.

Остервенело тиская ее начавшие рано увядать прелести, Черемша изо всех сил старался забыть о том, что сегодня, как и многократно прежде, лишь ловко симитировал свой давний, принесший едва ли не всесоюзную славу, трюк. Трюк, разрешение на который он тогда шутиливо испросил, помнится, у молоденького милиционера, дежурившего на мосту. Нынче под мостом были натянуты два тонких, но прочных стальных троса, по которым скользили направляющие втулки. Втулки крепились к концам крыльев аэроплана ещё на пароме, стоящем вне видимости наблюдателей. С него Черемша и взлетал, разгоняемый паровой катапульты. Преодолев опасный участок (это можно было делать хоть бы и с закрытыми глазами, и даже вовсе спящим), Черемша нажимал скрытый от постороннего взгляда рычаг, втулки отстегивались, и самолет эффектно взмывал ввысь. Пока ошеломленные зрители следили за ним взглядом, тросы на всякий случай притапливались в Неве.

Один из наиболее известных мирных подвигов Советской военной авиации был ловкой мистификацией. Очевидно, не самой большой в стране победившего пролетариата, но для Черемши по-настоящему стыдной. Собственно, «губа» являлась всего лишь увеличивающим надежность сохранения звеном, ограждающим тайну от случайного раскрытия. В подпитии Валерий бывал ненужно говорлив.

Черемша докурил сигарету, сплюнул горькую слюну в дюралевую плевательницу и вздохнул. очередной «подвиг» совершен вчера, незадолго до драки с командиром и, значит, как минимум неделю Валерий обречён провести в четырех стенах. Ночная же рыбалка, обещанная Золотаревым (как и качественный табак, напомнил себе Валерий ещё раз, копаясь в мятой сигаретной пачке), – недостижимая мечта минимум на месяц.

А как он любил ночную рыбалку! Наверное, за то, что она чрезвычайно напоминала пилотирование с последующим бомбометанием. Широкая лодка с карбидным фонарем на корме медленно скользит по мелководью. Слепящий свет, направленный вглубь, выхватывает фрагменты затянутого водорослями дна, похожего на заколдованный лес. В руке – многозубая острога на длинной ручке. Рыбья мелочь Черемшу не интересует. Только крупные хищники: судаки, щуки. Появляется полосатая спина. При известном воображении ее можно принять за вражеский бронепоезд, раскрашенный в маскировочные цвета. Ослепленная рыба замирает. Она в шоке. Острога вздымается («Открыть бомболуки!»). Удар! (Взрыв!) Пароксизм последней, яростной рыбьей жажды жить...

И замечательное продолжение рыбалки потом, на берегу возле костра, где уха, водочка, неторопливые мужские разговоры.

Пропустить такое удовольствие из-за единственной зуботычины! И бил-то ведь за дело. «Знаешь, ты уже не тот, что прежде, Валерка, – сказал комэск на полном серьёзе. – Спекся, куклой стал на веревочках!»

Дьявольщина! И у Люськи месячные... Черемша снова закурил. Последнюю «гуцулочку», между прочим...

В дверь постучали. Кричать: «Войдите!» или же «Пошли вы в задницу!» не имело смысла. Несмотря на кой-какую вольницу, гауптвахта гауптвахтой оставалась: камера замыкалась снаружи. Черемша сел на скрипнувшей койке и все-таки хрипло пошутил:

– Не заперто!

Дверь распахнулась. За нею стояли двое незнакомых мужчин. По-над их широкими плечами барражировала побитая золотаревская физиономия, производящая многоцветной от обширного синяка поверхностью некие движения. Grimасы в результате движений получались не смешные, но зловещие.

– Собирайся, Черемша, – сказал негромко первый мужчина.

– Поторапливайся, – добавил ещё тише другой. – Машина ждёт.

– Валера, это товарищи из Центра, – запоздало сообщил Золотарев беспомощным голосом человека, понимающего, что на друга надвигается беда, отвести которую он ни в силах. – У них приказ. Убываешь в их распоряжение.

Черемша считал себя смелым человеком, но у него вдруг нехорошо ёкнуло сердце. Кажется, впервые в жизни.

* * *

Валерий медленно открыл глаза. В дверь кабинета действительно стучали. Не требовательно, как во сне, а осторожно, подобострастно даже, однако настойчиво. Черемша надавил пальцами на веки (вчера допоздна разбирали с Ольгой, женой и секретарем, заявления и жалобы избирателей; а пишут много – Герой, депутат, комбриг, что ты!), помассировал круговыми движениями и пружинисто вскочил с кожаного дивана, на котором прикорнул после завтрака. Мельком взглянул в зеркало, но потом вернулся и посмотрел ещё раз, внимательно. «Крепкая фигура, рабочие руки, решительные, но спокойные движения. Светлые мягкие волосы, почти всегда лежащие на лбу, сильный нос, резкие черты от ноздрей к губам, ярко очерченные губы и упрямый подбородок. Глаза! Построение их, орбиты – очень напоминают могучий глаз сильной птицы; вокруг – преждевременные морщины; взгляд пристальный, метает молнии».

Всё верно, не врут писаки, хоть и умалчивают благоразумно о выражении брюзгливости, все чаще искажающем в последнее время «сильные» черты. Ибо количество незримых поводов, за которые нынче дергают «куклу на веревочках», возросло многократно. Он стал «куклой-дедушкой», который – спекся. Окончательно.

Дудки! Валерий протер лицо «Шипром» и прошагал к двери. Распахнул. За нею, совсем как в недавнем сне, стояли двое незнакомых мужчин. По-над их широкими плечами барражировала не побитая золотаревская (тьфу ты, черт, почему золотаревская? Антошин звали комэска, Антошин!), а гладкая адъютантская физиономия, производящая розовой упитанной поверхностью некие движения. Grimасы в результате движений получались не зловещие, но смешные.

– Здравствуйте, Валерий Павлович. Моя фамилия Шамсутдинов, – негромко представился более высокий посетитель. У него было нордическое, совершенно не подходящее к татарской фамилии лицо и гибкая фигура, туго перетянутая в талии офицерским ремнем с револьверной кобурой. – Вы уже готовы, Валерий Павлович?

– А я Толедо, – сказал ещё тише другой мужчина. – Наперекор стальному звону фамилии, Толедо был в высшей степени неприметен. Этаким «человек толпы», существующий, казалось, помимо нее, обособленно, лишь по чистому недоразумению. Впрочем, он тоже был вооружен. – Машина у входа, Валерий Павлович.

– Валерий Павлович, это товарищи из «Этажерки», – запоздало сообщил адъютант. – Помните, вы собирались полетать? Сегодня возобновляются испытания И-180.

– Мы, коллектив наш, конечно, против именно вашего участия. Больно уж капризная машина, – зачем-то сказал Шамсутдинов.

Черемша презрительно посмотрел на него: щенок, кто же полетит, если не я – ас из асов, испытатель из испытателей? Кроме того, он всегда считал себя безусловно смелым человеком.

Но сердце вдруг нехорошо ёкнуло. Кажется, впервые в жизни.

* * *

– Тебе, Черемша, поручено задание, важность которого и секретность невозможно переоценить, – твёрдо сказал человек в полувоенном френче, назвавшийся товарищем Джаггернаутовым. – Артачиться и качать права не советую. Приказ исходит от Самого.

В помещении стоял дымно-табачный слоистый полумрак позднего декабрьского вечера, завершающего напряженный рабочий день курящего советского человека. Полумрак подчеркивался светом настольной лампы, освещающей небольшой овальный участок стола, руки, затянутые в тонкие лайковые перчатки, и грудь черемшинского собеседника. Лицо товарища Джаггернаутова казалось неясным пятном. Голос был неприятен.

Окна кабинета выходили на серую стену без окон, по которой скользили бледные лучи прожекторов. Безликая стена и кусок тела товарища Джаггернаутова были единственными предметами, несущими хоть какую-то информацию о внешнем мире, доступными Валерию в настоящий момент. Ещё в автомобиле, едва тот тронулся, подлец Толедо сделал Валерию укол, погрузивший военлёта в беспамятство, и он не знал, где находится. В себя пришел только что и ещё толком не оклемался.

– Гордись, комбриг! – сказал, а затем повторил несколько раз подряд товарищ Джаггернаутов с различными интонациями – от высокого пафоса до усталого безразличия. Создавалось ощущение, что он репетирует фразу перед зеркалом, а не говорит с живым человеком. Остановив выбор на задумчиво-прониновенном тоне, он продолжил: – Ты полетишь в ИНДИЮ!

– В Индию? – недоуменно переспросил Черемша, послушно не повышая голоса. Поразительно, от собственного слюнтяйства даже не стало противно. Нет, он был явно не в своей тарелке.

– О, нет, – сказал Джаггернаутов все так же мягко. – Ты не понял, комбриг. В НАСТОЯЩУЮ ИНДИЮ. В ту, которую искали, да так и не нашли мореходы и землепроходцы древности. Все эти Колумбы, Никитины и прочие Да Гамы – они ведь удовлетворились тем, что первое попало под руку. Мы, советские люди, не таковы. Нас тропиками, дикарями с золотым кольцом в носу и таинственными храмами посреди джунглей не купишь. НАСТОЯЩАЯ ИНДИЯ, Черемша, – это не просто богатая древними драгоценностями страна, это – подлинный пуп Земли. Кто владеет ею, тот владеет миром; боженька, прихватив попутно сатану, может отдыхать. И мы нашли ее! Согласно последним данным советской науки путь в нее лежит через воздушный бассейн, а единственная «фрамуга», доступная физическим объектам нашего континуума, расположена на высоте семи с половиной тысяч метров над Северным магнитным полюсом. Ах, чёрт, как это было утомительно, сверхутомительно – систематизировать громадное количество разрозненных с первого взгляда фактов, собираемых полярными экспедициями последние сто лет. Зато, верно рассортировав их, отделив ничтожные крупинки истины от нагромождений выдумок и нелепиц, мы обрели заключительные штрихи к картине мира. А

ведь всё началось с обыкновенного любопытства. Имярек писал книгу о покорении Арктики, и у него были вопросы, но не было ответов. Почему погиб «Орёл»? Почему потерпела крушение «Италия»? Куда летел Амундсен на самом деле, и не был ли пресловутый поплавок его гидросамолета подброшен поисковым экспедициям специально? Имярек уцепился за пушистый хвост этих загадок, как блоха цепляется за хвост собаки. Он стал копать. Он прослыл чудаком. А потом к нему пришли серьёзные люди, которых не меньше, нежели его, интересовали подобные вопросы... и завертелось. Знаете, Черемша, каких трудов стоило заполучить в Советский Союз Умберто Нобиле?.. А выбить разрешение на экспериментальное уничтожение ледокола «Челюскин»?.. А папанинцы-каманинцы?.. Впрочем, я зарпортовался, с ними-то как раз никаких проблем не возникло...

Похоже, мужик крепко свихнулся, подумал Валерий, к которому мало-помалу возвращалась обычная уверенность в себе. Он больше не слушал дурацкую болтовню Джаггернаутова. С грозным апломбом любимца великой страны, перебив психа на середине фразы, он отчеканил:

– Товарищ, я привык видеть лицо собеседника.

– Не думаю, что это хорошая идея, – сказал Джаггернаутов, ничуть не смутившись и не обидевшись. – Впрочем, как знаешь.

Произошло некое многосоставное движение. В световой овал всплыла верхняя часть груди, затем шея, затянутая высоким тугим воротником со множеством крошечных синих пуговиц, а затем и лицо.

Черемша прерывисто вздохнул и едва удержался от сильного желания присвистнуть.

Безгубый рот скривился, крючковатый нос – дырявый, словно изъеденный коррозией – задвигался из стороны в сторону, и Джаггернаутов сказал:

– Четыре года назад я сгорел в танке, комбриг. Насмерть. Ф-фухх! Редкостное все-таки дерьмо эти карбюраторные движки!.. Н-да, знал бы ты, летчик, как это больно – сгорать заживо...

Перепончатые веки без ресниц рывком опустились, но не сумели прикрыть изъязвленные дыры глазниц. Снова произошло многосоставное движение, и горелая образина товарища Джаггернаутова уплыла вверх, в привычный дымный сумрак. На свет появилась скукоженная рука без перчатки с зажатыми в ней двумя большими пакетами из плотной бумаги. Пакеты были совершенно одинаковыми и отличались лишь надписями.

На одном была крупная цифра 1, нарисованная через трафарет, а на другом – 2.

– Жаль, что ты не любознателен, комбриг. Я мог бы рассказать такое... – горько сказал Джаггернаутов. Помолчав и повздыхав, встрепенулся: – Хорошо же. Буду краток. Твоя задача – долететь до места, приземлиться либо приводниться, посадить пассажиров, выгрузить н-н-научное (слово далось ему с трудом) оборудование. После окончания исследований вернуться. Держи. Это инструкции. Вскроешь в воздухе, когда поймешь, что пора вскрывать.

– А я пойму? – усомнился Черемша, все ещё находящийся под впечатлением, оставленным ему внешностью бывшего танкиста.

– Да, – просто и негромко сказал Джаггернаутов, но в его неприятном голосе была такая сила, что Черемша поверил ему сразу и безоговорочно. – А теперь проваливай, – сказал Джаггернаутов и почему-то хихикнул.

Черемша встал с медицинского вида кушетки, на которой, оказывается, все это время сидел (она на мгновение стала видна, а затем исчезла – будто не было), и пошел прочь от стола с зеленой лампой и спаленным насмерть в танке, а сейчас вполне живым «покойником». За время их беседы стало ещё темнее; дым, кажется, сгустился до полной осеязаемости. Черемша бродил вдоль стен, постоянно натываясь на длинные гимнастические скамьи, составленные в шаткие высокие штабеля. Двери не было.

– Что ты там ищешь, Черемша? – донесся из страшного далёка голос Джаггернаутова. – Дверь, что ли?

– Дверь, конечно, – раздраженно (только что с вершины штабеля, который он пнул, сорвалось ядро для спортивного метания и преобольно ударило его по колену) отозвался Черемша.

– Напрасный труд, – сообщил погорелец. – Её там нет. Тебе придется прыгать в окно, лётчик. Иди на свист, – и Джаггернаутов засвистел каким-то загробным булькающим свистом. Негромким, но отчаянно царапающим черемшинские нервы.

Черемша сказал несколько фраз, щедро сдобренных отборным матом, и подчинился целеуказующему звуку.

Чтобы подобраться к окну, пришлось пройти в непосредственной близости от товарища Джаггернаутова. Валерий скосил глаза и до него дошел смысл фразы о буквальной постановке того на ноги. Джаггернаутов был калекой. Он сидел в огромном инвалидном кресле, изготовленном из толстого бамбука, отделанного слоновой костью, черепаховыми панцирями и литой бронзой. Ободья колес «каталки» топорщились ужасающими серпообразными клинками – кажется, тоже бронзовыми и, без сомнения, великолепно отточенными. Спереди и сзади под колеса были подложены башмаки, предохраняющие кресло от самопроизвольного перемещения. Башмаки были надеты на ноги, отрезанные по самый пах и обмотанные по срезу толстым слоем окровавленных, но уже крепко заскорузлых бинтов. Ноги лежали беспокойно, подергивались и слабо дымились из-под бинтов и башмаков. Этот дым и висел в комнате, понял Черемша.

– Мои собственные, – прокомментировал Джаггернаутов. – Никак не решусь выбросить. Привязанности, чёрт бы их побрал... Чего встал, лётчик? Сигай в окно, не трусь.

Черемша, совершенно уже обалдевший, послушно забрался на широкий подоконник и потряс облупленную раму. Высота, с которой придётся прыгать, была не ясна, и его пробирала лёгкая дрожь возбуждения перед рискованным поступком. Рама не открывалась.

– Учти, там верхний шпингалет заедает, – сказал Джаггернаутов.

Черемша сдвинул шпингалеты (ничего не заедало в верхнем, напротив, штырь скользнул как хорошо приработанный поршень авиадвигателя), ударил ладонью по оконному переплету и шагнул в неизвестность.

* * *

Падение было непродолжительно; удар – страшен. Мгновение столкновения с землей, до предела насыщенное адской болью, растянулось подобно резиновому амортизатору... Черемша успел внятно почувствовать, как мелкие кости ног превратились в крошево, а несколько крупных обломков берцовых костей, разможив таз, пробив брюшину и грудную полость, на мгновение возникли над переломанными ключицами и вошли в голову. Он услышал надрывной вой двигателя, перед глазами возник нелепо задранный штурвал, беснующиеся приборы истребителя, за фонарем кабины мелькнул не то столб, не то печная труба, самолет врезался в него плоскостью, бешено дернулся, стекло разлетелось; слева пронесся, кувыркаясь, аккумулятор, на Черемшу стремительно надвинулся штабель дюймовых арматурных прутьев... И боль оборвалась.

* * *

– Валерий Павлович, – осторожно тормозил его Толедо, – просыпайтесь, Валерий Павлович. Приехали.

Черемша сгреб его за грудки, встряхнул раз и другой, рыкнул:

– Ты что это, паскуда, а?! Чем ты меня уколол, г-гаденыш?

Толедо молчал. Голова его моталась, на прикушенной губе набухла темная капля, стекла на крепкий подбородок тоненькой струйкой.

– Валерий Павлович, прекратите. Он всего лишь выполнял приказ, – сказал с переднего сиденья Шамсутдинов. – Выходите, вас ждут.

Черемша, блеснув гневным глазом, полез из машины. Толедо утер кровь платком, поднял что-то с пола автомобиля и последовал за ним.

– Вы забыли инструкции, – сказал он, выбравшись из машины, и протянул Валерию два больших пакета из плотной бумаги. Пакеты были совершенно одинаковыми и отличались лишь надписями, нанесенными через трафарет.

На одном была крупная цифра 1, а на другом – 2.

* * *

Ангар, устроенный под горою, приближался. Шамсутдинов и Толедо, легкой походкой похожие на физкультурников, шли впереди, не оборачиваясь, и громко хохотали. Плюгавый очкастый Кривнов, помощник авиаконструктора Болховитинова, семенил рядом, что-то лепеча о новом самолете, на котором предстояло лететь Черемше. Черемша хорошо знал как Болховитинова с Кривновым, так и их проклятые самолеты. С августа 37-го, когда экипаж Леваневского на И-209-ом, спроектированном Болховитиновым, пропал с концами, Черемша всю их контору возненавидел – крепко и навсегда. Сейчас он едва сдерживался, чтобы не устроить ураганной ярости скандал. Дурак же Кривнов состояния его, кажется, не замечал: забегал вперед, чтобы заглянуть в лицо, путался в ногах и говорил, говорил...

Валерий остановился, закурил и задумчиво спросил нетерпеливо топчущегося конструктора:

– Тебя в детстве мальчишки часто лупили?

Кривнов заметно опешил.

– Позвольте?..

– Когда мне было лет девять-десять, я похожему на тебя заморышу в очках одним ударом выбил челюсть только за то, что он болтал без умолка пять минут. С тех пор выдержка у меня возросла, конечно... но ты болтаешь уже шесть. Намек понятен?

Намек Кривнову был понятен. Больше он не проронил ни слова.

* * *

Самолет Черемше активно не понравился. Он был сравнительно мал, пузат, всего с двумя моторами. Широкие длинные крылья казались прикрепленными не на законное место, а куда попало – были смещены к хвосту и вверх. Опирался самолёт на внушительные поплавки, позволяющие осуществить посадку на воду или снег. Кривнов, опасливо косясь на Черемшу, сказал:

– БК-101, «Альбатрос». Детище прогрессивной конструкторской мысли. Открывает совершенно новое направление в авиастроении.

Воплощение прогрессивной конструкторской мысли в металл, похоже, было ограничено отсталостью технологии и нехваткой средств. Корпус у птички оказался фанерным. Черемша покачал головой и сказал:

– Да ты не идиот ли случаем, Кривнов? Лететь в декабре в Арктику на деревянном самолете? Или ты меня за идиота держишь? А может... может, ты вредитель – вместе со своим генеральным?

Кривнов, потя и вибрируя, начал сбивчиво оправдываться. Глядя на него, нетрудно было представить, что он в самом деле саботажник, пойманный на месте преступления. Черемша широко улыбнулся удачной шутке, но улыбка его в тот же миг окаменела: Шамсутдинов упруго шагнул к дрожащему очкарику и выстрелил ему в голову из револьвера. Труп бросило на фюзеле-

ляж «Альбатроса», он ударился плечами и упал ничком на бетонный пол. Шамсутдинов, пряча пистолет в кобуру, задорно подмигнул Черемше вернулся к Толедо.

Пока труп убирали и замывали кровь, возникла неловкая пауза. Черемша, вдруг в каком-то запредельном озарении осознавший, что это его слова о вредительстве стали командой к расправе, с остервенением сосал папиросу, пытаясь успокоить впавшую в истерику совесть. Стройный палач вполголоса рассказывал что-то увлекательное своему неприметному товарищу, тихонько над рассказом посмеивающемуся. Ни один из них, отметил Черемша, не потерял и капли присутствия духа.

Вытирая ладони о замасленную ветошку, к ним быстрым шагом подошел крепкий человек в рабочем комбинезоне.

– Завьял Ничипоренко, бригадир монтажников, – представился он и крепко пожал Черемше руку. – Кривнова давно пора было шлепнуть. Не наш человек, однозначно. Он, скотина, специально в расчеты ошибки вносил, думал, никто не заметит. Потому только и не кончали, что все равно фюзеляж перед вылетом положено кровью намазать.

– Первый раз слышу, – глухо сказал Черемша. – Что за чушь?

– Не такая уж и чушь. Вам, Валерий Павлович, многое сегодня предстоит впервые услышать. Например, вы в курсе, что погибли при испытаниях истребителя два дня назад?

– Кто погиб, я?!

Это не лезло ни в какие рамки.

– Ага. Вот, гляньте, некролог. Шестьдесят восемь подписей, первая – Клима Ворошилова.

Ничипоренко протянул Валерию мятую «Правду», извлеченную из кармана.

У Черемши перехватило дыхание. Первая полоса, огромные буквы: «Великий летчик нашего времени». Он развернул газету. А. Толстой: «Богатырь советской земли». И. Москвин, народный артист: «Русский самородок». В. Коккинаки, герой СССР: «Человек сказочной смелости»...

Валерий не придумал ничего лучшего, чем спросить:

– А как же тело? Ведь я – вот он.

– Тело? – Ничипоренко обернулся к Шамсутдинову и Толедо и крикнул: – Ринат, Саша, тут вот Валерия Павловича интересует, кого хоронить-то будут? Труп, мол, чей?

Ринат Шамсутдинов приблизился.

– Чей, спрашиваете, труп, – со скукой и недоумением в голосе сказал он и долгим задумчивым взглядом посмотрел на старенькую техничку в грязно-синем халате, старательно оттирающую с пола кровавое пятно, оставшееся от вредителя Кривнова. С фюзеляжа кровь не смывали. – Трупов у нас, поверьте уж, было предостаточно – хоть завались ими по самую маковку. Вас волнует сходство? Неужели, Валерий Павлович, вы ни разу не видели, что остается от пилота после авиакатастрофы?

Черемша запоздало понял бессмысленность своего вопроса и натужно усмехнулся, кивая. Шамсутдинов удалился.

– Вы не смотрите, товарищ Черемша, что самолет деревянный. Фанера особая, с секретной пропиткой, – сказал Ничипоренко. – Это несколько увеличивает его вес, однако ничего не попишешь... Дело в том, что металл во «фрамуге» перехода может повести себя непредсказуемо. Даже двигатель по большей части не металлический.

– Тоже деревянный? – выдавил Валерий.

– Ха-ха! – сверкнул бригадир монтажников мелкими желтыми зубками. – Отнюдь. Сверхпрочная керамика. Архисекретнейшая разработка. Стоит дороже Днепрогэса. Разобьёте – лучше не возвращайтесь! – пошутил он. – Оборудование загружено, самолёт заправлен, вылет через час. Идёмте – на склад, в столовую. Вам следует переодеться и покушать. Штурман скоро прибудет.

– Второй пилот, радист, пассажиры? – деловито спросил Валерий, настраиваясь на серьёзный лад.

– Экипаж сокращённый. Только штурман да вы. Зная мастерство Героя Советского Союза Черемши, надеемся, этого вполне достаточно. А пассажиры вам уже знакомы: Ринат Шамсутдинов и Саша Толедо. Третьего вы тоже, без сомнения, хорошо знаете. При встрече с ним будете, конечно, сильно удивлены, но попытайтесь сдержать эмоции.

«Меня убьют по возвращении?» – хотел было спросить Валерий, но, посчитав, что уж это-то подтверждения не требует, промолчал.

* * *

Штурман, маленький, упрятанный в меха летного полярного костюма, с тоненькой планшеткой на длинном ремне, покуривал, сидя на мотке кабеля. Шапка с длинными клапанами закрывала ему уши, и он не слышал шагов подошедшего сзади Черемши.

Валерий громко и бодро поздоровался:

– Здравия желаю, товарищ штурман!

Штурман неспешно затушил папиросу о трехслойную подошву унта, встал, обернулся и стянул шапку. Черемша оторопел. Штурманом была молодая, рыжая, коротко стриженная, большеглазая, розовощекая, пухлогубая, немного курносая – в общем, весьма смазливая – девица!

– Здравия желаю, Валерий Павлович, – сказала она чуть хрипло (Черемшу всегда заводили именно такие женские голоса) и с легким акцентом. – Я Ингеборга Лабатмедайте. Можно просто Инге. Надеюсь, вы не относитесь к той части мужчин, что считают, будто место женщины только на кухне?

– Нет, – через силу соврал Черемша. – Нет.

* * *

Кабина «Альбатроса» практически копировала кабину знакомого и почти родного АНТа двадцать пятого, разве что была не столь просторной, поэтому Валерию не пришлось к ней привыкать. Инге дело свое знала, по всему виду, отлично. Черемша вначале следил за ее действиями с плохо скрываемым сомнением, но скоро отбросил его прочь. Неизвестно, конечно, как девица поведет себя в сложной ситуации... Однако ж придется доверять. Иначе – кранты.

Места пассажиров располагались в самом хвосте, среди ящиков с оборудованием – довольно неудобные места. Черемша предупредил товарищей с револьверами (самому ему оружия, разумеется, не выдали, за исключением многолезвийного перочинного ножа размером с палец), что не терпит, когда посторонние в полете шляют где попало, а особенно – приближаются к пилотской кабине. Шамсутдинов и Толедо очень серьезно заверили его, до самой посадки – уже «там» – с места не сдвинутся. Что бы ни произошло. Черемша кивнул на клозет: сюда – можно. «О'кей, шеф», – сказали они непонятно.

Третий пассажир запаздывал. Черемша, наконец почувствовавший себя командиром, решил устроить ему, пусть только появится, если не трёпку, то хотя бы разнос; но увидев, опешил и потерял дар речи. Этот человек, любимец страны, был зверски убит внутренними врагами несколько лет назад. Был убит. Был похоронен. Был.

– Здравствуй, Валерий, – сказал Костров и протянул руку. – Жми крепче, что ты как барышня!

* * *

Вылет провожало всего несколько человек – десяток, максимум два. Техники во главе с Ничипоренко, солдаты в долгополых тулупах, замершие на пулеметных вышках, солдаты в короткополых тулупах с огромными лохматыми собаками и кавалерийскими карабинами, бредущие по периметру между высокими параллельными оградами из колючки – вот, пожалуй и всё. Да ещё поодаль стоял большой чёрный автомобиль, в котором маячило несколько смутных силуэтов.

«Альбатрос» заскользил по ледовой полосе на лыжах-поплавках и плавно взлетел. Фантастически короткий разбег, подумал Черемша. Самолет начал ему нравиться. Набрав полторы тысячи, Валерий попробовал управление и совсем развеселился: самолет в воздухе был послушен, как баба-сорокалетка в постели. Разумеется, на нем нельзя было сотворить «замедленную бочку» или «восходящий штопор», но этого от него и не требовалось. Над Арктикой от машины потребуются устойчивость и надёжность – как раз то, что в «Альбатросе» присутствовало с запасом, чувствовал опытный Черемша. Он пропел: «Все выше, выше и выше!» и подмигнул Инге. Инге подмигнула в ответ. Замечательно!

Включилось радио. Помехи отсутствовали абсолютно. Знакомый царапающий голос отчётливо сказал Черемше в самое ухо:

- Альбатрос, я Джагтернаутов, руководитель полёта. Как слышите? Приём!
- Валерий сжал зубы и решил больше ни-че-му не удивляться.
- О'кей, шеф, – ответил он. – Слышу вас хорошо.

* * *

Приближалась северная граница СССР. Черемша отдыхал, всецело доверившись совершенно секретному автопилоту-умнице, и не без удовольствия беседовал с Инге. Звукоизоляция да и теплоизоляция кабины «Альбатроса» не оставляла желать лучшего, так что он давно расстегнулся и говорил не повышая голоса. Огорчало его лишь то, что под бесформенной одеждой невозможно рассмотреть фигуру девушки.

Сперва Валерий выяснил, почему все-таки её взяли штурманом. Всё просто, ответила Инге, она, помимо авиационной профессии, имеет другую – не менее, а может и более важную для экспедиции: лингвист, специализирующийся на ряде восточных и североевропейских языков. Языков она знает восемнадцать, включая несколько вымерших. Для чего нам вымершие языки, лениво поинтересовался Черемша. Разговаривать с туземцами, сказала Инге, пожав плечом. Черемша тут же рассказал анекдот о двух летчиках, попавших в лапы дикарям. «Да, бледнолицый небесный воин смел! Он умрёт, раз выбрал не трах-тарарах, а смерть... но умрёт через трах-тарарах!»

Затем они принялись наперебой рассказывать друг другу забавные истории из жизни. Глядя на веселую красивую девушку, Валерий чувствовал себя помолодевшим на добрый десяток лет. Кажется, изумился он, я начинаю влюбляться. Жаль, что спустя сутки-другие меня пустят в расход.

Инге раскраснелась, ей стало жарко, она расстегнула парку. Увидев её небольшую, но высокую, задорно оттягивающую свитер грудь, Валерий вдруг подумал, что если о серьёзной влюбленности говорить рановато, то о некотором половом возбуждении – самое время.

- Смотри, смотри, Валерий! – закричала Инге. – Железный Занавес! Как здорово!

Впервые о Железном Занавесе Черемша услышал, будучи ещё совсем пацаненком, когда работал сборщиком самолетов в Нижнем, и решил, что его разыгрывают. Участь в Серпуховской высшей школе воздушной стрельбы и бомбометания, он прочел о Занавесе в газете и

подумал, что досужих шелкоперов, беззастенчиво дуращих советский народ, стоило бы, пожалуй, шлёпнуть. Увидев же впервые грандиозную стену, опоясывающую СССР по границам, он до немоты поразился величию народа, сотворившего такое чудо. И благоговел перед Занавесом до сих пор.

Строго говоря, гофрированная, блестящая металлическим блеском стена, трепещущая на некотором расстоянии от них – прямо по курсу – железной не являлась. Составлявшие ее эманации были всего лишь отблесками сознаний, чувств, воли людей, населяющих страну Советов. Вокруг всякого государственного образования от начала времен и до времен современных, определённо знал Черемша, вздымается свой Занавес, но Железный – только вокруг СССР. Ибо прочнее его – нет.

Валерий как всегда проморгал момент, когда Занавес приобрел структуру. Только что он сверкал гофрами под низким декабрьским солнцем, готовым нырнуть за горизонт, – и вот уже ожил. Сотни, тысячи, десятки тысяч огромных человеческих лиц, влившихся в ткань Занавеса, наполнивших её своей энергией, гримасничали перед лётчиком. Все они смотрели на территорию отечества, и души их были открыты настежь. В них было всё: восторг, жалость, деловитость, благоговение и презрение. И ненависть тоже была. Основную массу составляли лица вполне довольные, разве что чуть напуганные. У Черемши никогда не хватало слов, чтобы описать эмоции, демонстрируемый лицами, да он и не пытался. Для этого существовали специальные люди, целые отделы с приданными им эскадрильями лучших самолетов и дирижаблей, непрестанно облетающими государственную границу. Валерий не охал, узнавая об аресте новой партии высокопоставленных шпионов или врагов народа. Они действительно были врагами страны – здесь они признавались в этом честнее и вернее, чем в застенках НКВД. Самое смешное, думал Черемша, что даже те, кто пытаются Занавес прорвать, тоже входят в его ткань. И на их месте вовсе не дыры – такой же монолит, как и везде.

Занавес рывком приблизился, и самолет пронзил его, в пену взбивая винтами отражения чьих-то душ. Оригиналы в этот момент умирали, знал Черемша.

– Ты когда-нибудь видел себя? – прерывая его мысли, спросила Инге.

– Нет, – ответил он. – И очень этому рад. Считается, что увидевший своё подлинное лицо человек больше не жилец.

– Как жаль, – сказала девушка. – А я видела. Вот только что... И знаешь, Валерий, оно улыбалось!

У Черемши захолонуло сердце. Девчонка... сколько же ей осталось? День? Неделя? «Ах, дьявол! – подумал он с остервенением, – как же так?... почему так несправедливо? Знать – об этом – наверняка... Бедняжка!»

Он отвел глаза, пряча сочувствие, способное больно обидеть гордого человека.

– Слушай, Валерий, – сказала Инге, и голос её дрогнул от отчаянной решимости, – а ведь я всё ещё девственница. Не хочется умирать... вот такой, ущербной, – она поднялась с кресла.

Парка осталась висеть на кожаной спинке. Шапка упала на пол. С невообразимой грацией она избавилась от стеганых штанов и унтов, через голову стянула пёстрый вязаный свитер, кошкой выскользнула из бледно-розовых рейтузов с начёсом. Тонкие шерстяные носки порхнули как две голубки, опустились на приборную доску. И она осталась совершенно нагой – пунцовой с головы до пят, чуть полноватой... и рыжею – везде, где кудрявились волосы, волоски, шерстка, пушок... Она улыбалась. «У тебя были когда-нибудь рыжие литовские целочки?»

* * *

Откинутое пилотское кресло с трудом вмещало их. Они сплелись, свились, сомкнулись, они тяжело дышали и смотрели друг на друга – любовник на любовницу, муж на жену, самец на

самку – не отрываясь и не закрывая глаз. Солнце давно скрылось. Полыхало северное сияние. Она сказала:

– Глупо, конечно, то, что я хочу спросить, и все же: тебе было хорошо?

– Было и есть, – ответил он. – И будет. Я не собираюсь останавливаться на достигнутом.

Вот покурю и продолжу.

– Покурим вместе? У меня есть кое-что получше «Казбека».

Она пролилась сквозь его объятия и возникла возле вороха своей одежды. Гибко наклонилась. Он не отрывал от неё жадного взгляда. Ему сразу захотелось её снова. Она зашуршала бумагой, вернулась с двумя самокрутками.

– Туркестанский табачок. Никогда не пробовал?

– Нет, – он привлек её к себе. – Потом попробую.

Она тихонько взвизгнула. Через мгновение они дышали, двигались и жили в унисон. Северное сияние бесновалось в одном ритме с ними. Из брошенных наушников раздавался подобный хору цикад треск радиопомех. Даже он был ритмичен. Да-же о-н. Да-же о-н. Да-же о-н. Да-же...

* * *

– Посмотри-ка, твоя туркестанская отравка чертовски благотворно влияет на мою репродуктивную способность! Не уверен, ой не уверен, что я докурю её до конца.

– Да я не только вижу, чувствую. Или это подлокотник? Не-ет, не подлокотник! Ах ты, мой крепыш неугомонный! Ну, иди сюда, озорник!..

* * *

Черемше словно плеснули ледяной водой на спину. Он проснулся, осмотрелся. Жрать хотелось – жутко. Инге прикорнула у него на груди, северное сияние погасло. Впереди, на фоне чёрного неба, бурел и клубился продолжительный облачный фронт в виде растопыренной уродливой пятерни, сгребаящей брызги звёзд в раздутый мешок. Наверное, там уже лежало исчезнувшее северное сияние, а возможно, и солнце. «Альбатрос» обреченно влетел в тучи, став ещё одной жертвой загребущей руки. Из наушников донеслись странные, зовущие и тревожно будоражащие сердце звуки и слова. Где-то в другом мире и в другом времени они могли бы быть песней. Но не здесь. Демонический голос, демоническая музыка:

...Где разорвана связь между солнцем и птицей рукой обезьяны,
Где рассыпаны звезды, земляника да кости по полянам,
Где туманы, как ил, проповедуют мхам откровения дня,
Где хула, как молитва...

Черемша поспешно щелкнул тумблером, вырубая радио. Нельзя. Нельзя ему это слышать. Ему стало зябко. И ещё он вдруг осознал: пора вскрывать конверт.

Как Валерий ни ухищрялся, стараясь не побеспокоить девушку, вытаскивая конверты из планшетки, Инге проснулась-таки.

– Я оденусь?

– Угу, давай.

– А ты?

– Позже, – он торопливо рванул бумагу. Разрыв прошел точно посередине цифры 1.

В конверте оказался ещё один конверт. Обычный, почтовый. В нем шелестело что-то сухое, ломкое, кажется, травянистое. Стебли какие-то или, быть может, сосновая хвоя. Плакатным пером на нем было написано: «Черемше. Вместо прочтения – сжечь!»

Валерий крутанул колесико зажигалки, сделанной из пулеметного патрона, поднёс пламя к уголку конверта. Вспыхнуло быстро и ярко. На колени просыпался светлый пепел. «Альбатрос» нырнул в воздушную яму. И – всё.

Валерий быстро оделся, вскрыл две банки гречки со свининой и термос с чаем. Нарезал хлеб большими ломтями. Поели молча. Они ждали чего-то. И что-то произошло. Сзади громынуло два раза.

– Стреляли, что ли?! – разъярился Черемша. – Идиоты! – он вскочил и бросился к пассажирам.

Шамсутдинов, обнаженный, распятый на треугольной раме из дырчатых квадратных труб, которой Черемша не видел при взлете (видимо, собрали уже в воздухе), и которая перерождая сейчас всё внутреннее пространство грузового отсека, был мёртв. Толедо окунал в кровавую лужицу, натекающую из простреленной груди, гусиное крылышко и рисовал на стенках самолета отвратительные каракули. Костров раскачивался, стоя на коленях, взад-вперёд и напевал: «Иду! Иду! Идём! Войду! Войду! Войдём!»

– Сергей Мироныч, вы не пострадали? – Черемша тронул его за плечо.

– Войду! Войду! Войдём! – провыл ему в лицо Костров. – Иду! ИДУ-У!

– Валерий Павлович, – деловито сказал Толедо, не отрываясь от кошмарной работы, – вам сейчас нужно быть в кабине. Через пару минут я допишу пароль, мы влетим во «фрамугу» и автопилот откажет. Поторопитесь, или мы все погибнем. А Ринат всё равно болел, неизлечимо. Мы ему дали морфия, и он ничего не почувствовал. Кроме наслаждения. Кроме восторга. Кроме эйфории. Кроме оргазма. Кроме блаженства. Кроме...

Черемша в ужасе бежал.

* * *

Он ухватился за штурвал и сжал его. Руки чуть подрагивали. Инге спросила:

– Кто?

– Шамсутдинов.

– Значит, на обратном пути Саше придется открывать «фрамугу» одному. Ему будет труднее.

– Костров останется там?

– Да.

– И... и ты?

– Да.

– Ты можешь мне объяснить, что происходит?

– Попытаюсь...

Перед самолетом, на фоне звездного неба, возник огромный пылающий белым треугольник, внутри которого ветвились, словно по стеклу, серебристо-морозные древовидные узоры. Они же покрывали силуэт распятого в середине треугольника стройного, широкоплечего человека, имеющего вместо лица переплетение желтых мерцающих каракулей подобных тем, что рисовал Толедо кровью.

«Альбатрос» проломил узорчатую пленку, с натугой пролетел сотню метров и завис с остановившимися пропеллерами в центре слабо светящегося ледяного тетраэдра. Создавалось стойкое впечатление, что вершины тетраэдра направлены не только вовне, но и внутрь. Осколки пленки, затягивавшей «фрамугу», кружились вокруг, легко проникая сквозь стенки кабины и сквозь тела людей. В тех местах, где они соприкасались с кожей, возникало на мгно-

вание ощущение угловатого отверстия, в которое задувает холодный ветер. С противоположной стороны тела осколки вылетали спустя три-четыре секунды, причем совершенно неощутимо. Тетраэдр вращался, одновременно двигаясь навстречу, как бы наворачиваясь по мелкой резьбе на самолет.

Кружилась голова. Зверски хотелось есть.

Инге, покачиваясь, словно танцуя, подошла к Валерию, не выпускающему штурвал из рук (выпустить его означало катастрофу, отчетливо понимали оба), и принялась кормить чёрным хлебом. Хлеб, то приторно-сладкий, то лимонно-кислый, таял во рту. Было очень вкусно и сытно. Некоторые кусочки Инге отправляла в рот себе.

– ...Мы, – говорила она, – Джаггернаутов, Ринат, Саша, я, другие люди, которых ты не знаешь – ваши не слишком отдалённые потомки. То есть не совсем потомки. Тела у нас, разумеется, современные. Перемещение живых организмов оттуда сюда невозможно. Перемещается только часть сознания, и только в тело недавно умершего человека. Смотри, – она протянула Черемше свои красивые, полные руки запястьями вверх. Поперек запястий пролегли короткие шрамы. – Подлинная Ингеборга, девушка-авиатор, девушка-штурман, вскрыла себе вены, мучимая неразделенной любовью к известному киноартисту. Подлинный Толедо утонул в Ялте. Подлинный Шамсутдинов скончался вследствие врождённого порока сердца. Вот так-то, Валера... – она умолкла на мгновение, оледенев лицом. Оттаяла, тряхнула коротенькими кудряшками, спокойно продолжила: – Кое-какие неодушевленные объекты переместить сюда удалось тоже. Двигатель «Альбатроса», полимерные смолы для пропитки корпуса, приборы авиационной навигации, оптико-волоконные кабели, чертежи...

Потомков совершенно не устраивала геополитическая ситуация, сложившаяся в мире к началу XXI века, и они ломали головы, как быстро и с минимальными затратами изменить её в пользу России. Обнаруженная из космоса «фрамуга» была мала, как детская игрушка и непонятна, как детский лепет. Тем не менее, её принялись изучать. И когда некий чудакотый писатель обратился к своему школьному другу – генералу госбезопасности – с просьбой порыться в закрытых архивах, оставшихся со времён арктической экспансии СССР, генерал, курирующий исследования полярного феномена, пошел ему навстречу. Писатель, перебирая архивы НИИ ВВС, наткнулся на ссылки, как будто указывающие на существование засекреченного проекта, связанного с авиационными перелётами через Северный полюс. Генерал почуял запах дичи и подключил к архивной работе штат молодых, толковых офицеров ГБ и молодых толковых учёных из засекреченного НИИ проблем времени.

16 мая 1928 года на подмосковном полигоне сгорел экспериментальный танк. Весь экипаж погиб – танк вспыхнул как порох – за исключением командира, Ивана Джаггернаутова. Но и его уход в лучший мир был делом предрежденным, 30 % поверхности тела храброго танкиста со странной и даже страшноватой фамилией превратились в уголь. Меньше всего пострадали ноги, но и их пришлось ампутировать – началось заражение крови. Через шесть дней Иван Джаггернаутов умер, а через три минуты после окончательной остановки сердца ожил снова. И пошёл на поправку. Инвалидность ничуть не повлияла на его характер, решительный, твердый, настоящий коммунистический. Свежеиспечённый военный пенсионер пробился в состав создаваемой тогда Первой советской Индийской полярной экспедиции. С особым вниманием, строгостью и рвением относился он к ведению архивов. Его сподвижникам было невдомек, что внутри бывшего танкиста – со времени чудесного воскресения – поселился ментальный пришелец из будущего.

А в будущем, как и ожидалось, стали обнаруживаться любопытные документы. Сперва всплыло слово ИНДИЯ. Затем семь томов официальных папок под грифом «Особо секретно», озаглавленных «Первая советская Индийская полярная экспедиция» и ворох рукописных и печатных раритетов различного возраста, разной степени сохранности, где присутствовали даже египетские папирусы. Выяснилось, что в подготовке «Первой Индийской» участвовали

не только путешественники, военные и учёные, но и практикующие мистики, шаманы, религиозные деятели. С 1934 года её возглавлял С. М. Костров, для всего остального мира павший жертвой террора.

12 августа 1937 года с аэродрома Щелково стартовал 4-х моторный самолет И-209. Экипаж возглавлял Герой Советского Союза Леваневский. Объявлено было, что самолет совершает трансполярный перелет, цель которого – США. Но цель была – ИНДИЯ. Вскоре связь с самолетом прервалась. Никто и никогда не узнал, достиг ли И-209 ИНДИИ, или погиб уже там.

В отличие, по-видимому, от американской экспедиции 1944 года, возглавляемой полковником ВВС Уинстоном Фростом; ибо США – там, в будущем – процветали прямо-таки бесстыдно.

Данными папок решено было воспользоваться. Во «фрамугу» пошёл автоматический летательный аппарат, способный передавать на расстояние изображение, звук, параметры окружающей среды. На треугольной раме в его шаровидном брюхе был распят рыжий кот Чубайс. Все металлические части зонда, имеющие площадь поверхности более трех с половиной квадратных дециметров, при вхождении во «фрамугу» испарились, а Чубайс обнаружился сидящим на ледяном торосе в сорока километрах западнее, дрожащим, но, тем не менее, преспокойно вылизывающим свои тестикулы. Смертельные раны, произведённые на его теле малокалиберным пистолетом с радиоуправляемым спуском, пропали без следа.

Второй зонд почти не содержал металлов; вместо кота Чубайса полетел морской свин Баб. «Фрамуга» была преодолена успешно, но сигнал прервался, едва начавшись. После расшифровки «обрывка» выяснилось, что он является чрезвычайно плотно сжатым пакетом информации, передаваемой зондом в течение нескольких суток; и означало следующее: время в ИНДИИ движется в тысячи раз быстрее, чем на Земле. А «фрамуга» вдруг катастрофическими темпами принялась сжиматься.

– ...Когда меня отправляли сюда, она была уже с мышиный глазок, – сказала Инге...

ГБ совместно с НИИ проблем времени, понимая, что терять в случае неудачи уже нечего, а приобрести в случае успеха можно весь мир, осуществили заброску в прошлое массированного десанта спецов и безопасников. Материализовался десант в сентябре-октябре 1937-го. Джаггернаутов, ставший к тому времени вторым человеком в проекте после Кострова (на предыдущего заместителя быстренько свесили всех собак и, почти не мучая, шлепнули), посодействовал приему новых сотрудников. Ценных тем более, что многие из них прибывали не с пустыми руками...

В этот момент тетраэдр исчез, и в глаза Черемше ударило солнце. «Альбатрос» летел – низко-низко, двести метров по альтиметру – над ядовито-зелёным, сплошным лесом, кажется, тропическим. Черемша взял вверх. Самолет послушно задрал кургузое рыло к изумрудному небу. Спустя десять минут они летели кверху поплавками над точно такими же джунглями, а недавняя земля превратилась в зелёный небосвод. Валерий осторожно перевернул самолет. Альтиметр, плясавший только что без всякого толку, вновь показал двести метров. Инге захохотала. Валерий её веселья не разделял, но улыбнулся тоже.

Впереди блеснуло крошечное озеро. Доверившись отменным лётным качествам «Альбатроса», своим чутьём и опыту, Черемша повёл самолет на посадку.

* * *

Видимо, это было как раз то, что они искали. С трёх сторон озеро окружали растущие прямо из воды гигантские деревья, богато опушенные густой сочной листвой, а четвёртая манила широким галечно-песчаным пляжем. На пляже возвышались какие-то сооружения. Валерий лихо, с разворотом, подогнал самолёт вплотную к берегу, зарулив левым поплавком прямо на прибрежную гальку.

Винты ещё не успели полностью остановиться, когда аппарат откинулась, и по ней, сгибаясь под тяжестью длинного тюка, упакованного в чёрную клеёнку, побежал Толедо.

* * *

Черемша, отключив питание, вышел в грузовой отсек. Работа кипела. Костров, обнажённый по пояс, потный, таскал грузы наравне с Толедо. Труп Шамсутдинова куда-то исчез, как и кровавые знаки на стенах.

– Присоединяйся, Валера, – сказала Инге, поднимая за один конец связку тонких труб.

Черемша ухватился за другой конец. Трубы оказались на редкость легкими. Очевидно, тоже не металлические, мельком подумал Черемша.

Сооружений на пляже оказалось три. Они стояли как бы в вершинах равнобедренного треугольника со сторонами длиной восемь-девять шагов. Ближе всех к самолету находилась внушительная кровать красного дерева, опирающаяся на шесть золотых звериных лап, застеленная белоснежной овчиной. Затем, если совершать обход посолонь, следовал низенький столик с лежащими на нём: небольшой грифельной доской, тонким заостренным мелком и затейливо изукрашенным резьбой деревянным с золотом абаксом. Последней была вросшая колесами в землю боевая колесница, отдаленно похожая на увеличенное в несколько раз инвалидное кресло Джаггернаутова из сна (или, может, не сна?) Черемши.

Любовь. Деньги. Война. То, что движет миром с начала времен.

Сергей Миронович и Толедо без раздумий устремились к колеснице и принялись возводить на ней знакомый каркас распятия.

– Так я и думала, – горько сказала Инге. – Валера, мы обязаны их остановить! Нельзя отдавать мир во власть военных! Лучше уж, как американцы – банкирам... Пойдите! – она побежала к колеснице, увязая в рыхлом мокром песке. – Пойдите!

* * *

Потомки продолжали ругаться и жестикулировать, не забывая попутно заниматься своими странными делами. Валерий же, пораженный внезапно полнейшей апатией ко всему, бродил босиком по теплой воде, и серебристые шустрые мальки принимались щекотать ноги, стоило ему остановиться. В зеленом небе, точно над головой, блестело круглое серебряное окошечко. Наверное, такое же озерцо. Местное светило, висящее точно посередине между зелеными небом и землей, заметно раскачивалось вправо-влево. Одурающе пахло цветами.

Валерий наступил на что-то острое, наклонился, пошарил в донном песке, подняв облачко мути, привлечшее целые полчища мальков. Выпрямился. В руке его лежал потрясающей работы каменный, полупрозрачный – кажется, нефритовый – обоюдоострый нож с рукояткой в виде злобно ощерившегося пернатого змея. Валерий сунул нож за пройму подвернутых до колена подштанников, потуже обмотал ее вокруг ноги и застегнул на выщербленную пуговицу. Все остальное полярное обмундирование он давно уже сбросил – жарко! «А мы ребята-ёжики, за голенищем но-жи-ки», – фальшиво спел он вполголоса.

Гавкнул выстрел. Другой.

Валерий поморщившись оглянулся на круто, до стрельбы, повздоровивших потомков. Толедо раз за разом палил Инге под ноги, вынуждая ее пятиться к самолету. Она взвизгивала после каждого выстрела, вздымающего султанчики песка, и громко ругалась, сопровождая слова непристойными жестами.

Черемша, раздраженно сплюнув, побежал разбираться.

Когда он наконец добрался до вершителей мировых судеб, Костров стоял на колеснице, распростертый внутри смонтированной из труб рамы, как бы стремящийся обнять этот

крошечный мирок, и громко хохотал. Толедо возился с бежево-серым прибором на треноге, провода от которого тянулись к раме с привязанным Сергеем Мироновичем. Инге плакала, зажимая рукою кровоточащее плечо. Завидев Валерия, Толедо молча бросил ему медицинский пакет. Черемша принялся перевязывать девушку, чья нежная кожа чуть повыше верхней головки левого бицепса была глубоко расцарапана – по-видимому, срикошетившей пулей или камушком.

Раздался оглушительный треск. Костров заорал. В голосе его слышалась невыносимая мука. Валерий непроизвольно оторвал взгляд от бинтуемой раны. Сергей Миронович полыхал ярким белым огнем, колеса боевой повозки, выбрасывая в воздух фонтаны щебня, крутились, Валерию на миг почудилось, что перед нею гарцует огромный крылатый конь вороной масти, крик пылающего Кострова сорвался на почти ультразвуковой визг, и колесница, увлекаемая призрачным скакуном, сорвалась с места, круто забирая в гору – в воздух... Чудовищный громовой раскат сотряс пространство.

– Ну вот и все, – сказал устало Толедо, тщетно пытаясь отыскать взглядом быстро исчезающую, растворившуюся в зеленом небе метафизическую упряжку, – наша взяла. П...ц америкашкам!.. Валерий, помоги разобрать оборудование, когда закончишь перевязку.

Черемша затянул концы бинта, подошел к Толедо и ударил его кулаком в висок.

* * *

Толедо мычал и извивался. Огромный кляп, изготовленный из вязаного подшлемника, не позволял ему внятно говорить, а жестоко стянутые лентами из располосованной ножом нательной рубахи конечности – полноценно двигаться. Валерий и Инге уже второй час упоенно занимались любовью на потрясающе мягкой овчине, в несколько слоев устилающей львинолапую кровать – символ и алтарь Любви Всемирной. Инге таким образом намеревалась изменить судьбу мироздания, а Валерий... Валерия привлекал сам процесс.

Наконец Толедо изловчился и избавился от кляпа. Отплевавшись и откашлявшись, он прохрипел:

– Кончайте дурака валять! Без триоконтура и инициации один хрен ничего не добьетесь. Развяжите меня. Обещаю не дергаться.

Они, словно послушавшись совета, слаженно кончили. Валерий, отдышавшись и смахнув пот с лица, подошел к Толедо. Однако узлы затянулись так сильно, что развязать их нечего было и думать. Черемша вернулся к ложу, прихватил нефритовый кинжал, который, по словам эрудированной Инге, являлся ритуальным орудием не то ацтеков, не то тольтеков, предназначенным для принесения человеческих жертв, и несколькими небрежными взмахами освободил пленника от пут. Толедо, послушавив свежие царапины и недобро зыркнув на любовников, взялся за привычное дело – монтаж рамы из трубок. Черемша стерег его с взведенным револьвером наготове, покуривая козью ножку, набитую туркестанским табачком.

* * *

Солнце било в лицо. Не спасали и плотно сжатые веки. Рот был забит распирающе-колючим, шершаво-мокрым, омерзительным на вкус, словно несвежая портянка. Собственно, это и оказалась портянка – зимняя, тонкой шинельной ткани, да не одна. Подлец Толедо воспользовался поразившим Валерия сном с наибольшей для себя выгодой. Воротил, так сказать, должок. Конечности, варварски завернутые за спину и онемевшие, не слушались Черемшу. Кроме того, были они крепко связаны – между собой и, вдобавок, верхние с нижними. Валерий замычал, с немалым трудом орудуя преимущественно головой и плечами, перекатился на другой

бок и открыл глаза. В них тут же попал песок, поэтому за дальнейшими событиями Валерий наблюдал урывками, сквозь обильные слезы и частое моргание.

– Эй, товарищ пилот, – весело проорал Толедо, заметив, что Черемша очнулся. – Хотел бы ты подержаться за штурвал, который управляет миром? Да? Ну, так обломайся! Потому что рулить я буду! А ты отдыхай!

Инге билась на раме триоконтур, расположенной на сей раз горизонтально, – так бьется птица, попавшая в силоч. Толедо с отвратительным слюнявым вождением лизал и гладил ее обнаженное тело. Затем отлучился на минуту, произвел краткие манипуляции со своим бежевым ящиком на треноге и вернулся. Пока он карабкался на кровать, контур начал искрить голубым и белым. Девушка молчала. Когтистые золотые лапы, держащие ложе, вдруг разъехались, шевельнулись, точно живые, и потянулись к людям. Толедо словно метлой смело. Лапы ухватили края овчин и сомкнулись над телом Инге огромным белоснежным бутоном.

– Запомни, Валерий, – донесся до Черемши звонкий голос, наполненный неземной радостью, – миром – да правит! – ЛЮБОВЬ!

Ложе засверкало ослепительно, запредельно – солнцем, сверхновой звездой, а может – Божественным светом первого дня творения и – пропало...

* * *

– Постарайтесь понять, – говорил Толедо, направив на освобожденного Черемшу ствол револьвера, – возвращаться нет никакого резона. По крайней мере, для меня. Как бы ни повернулась ситуация на Большой Земле, каким бы раем или адом ни стал наш мир, я этого не увижу все равно. Для открытия «фрамуги» требуется человеческая жертва. Поскольку управлять самолетом я не умею, принести в жертву вас не представляется возможным. Принести в жертву себя не представляется возможным вдвойне, что более чем очевидно. Я остаюсь. Благо, климат здесь воистину курортный, а жратва, – он проследил взглядом медлительный полет над озером парочки упитанных утиц, – водится в избытке. Возможно, я соберусь вести дневник. Робинзон Толедо... Хотите стать моим Пятницей, Валерий Павлович?

– Нет, не хочу. Для этого, помнится, нужно быть чуточку людоедом. Но я, кажется, нашел себе замену. Обернитесь, товарищ Робинзон.

Из леса выходили люди. Десятки миниатюрных коричневых человечков с заваленными вперед узкими плечами, выпирающими животами и болезненно раздутыми суставами. Их черные волосы были связаны в неряшливые пучки, безбородые лица с правильными, очень крупными чертами напоминали неподвижность маски. Срамные места выходцев из леса прикрывали скудные изжелта-белые тряпочки. Это были, кажется, одни только мужчины, и в руках они сжимали чертовски хищно выглядящие сабельки с изогнутыми, расширяющимися к концу клинками. Возглавляла дикарское воинство голая старуха, восседающая на крупном снежно-белом тигре. Старуха была седа, почти лыса, изо рта ее торчала, густо дымя, трубка с длинным прямым чубуком, украшенным цветными перьями. Высохшие лохмотья старухиных грудей свисали едва не до хребта тигра, а нечеловеческой длины руки волочились по земле, оставляя за собой заметные бороздки.

Толедо, медленно птясь к самолету, выдохнул: «Б...дь!», и Черемша вынужден был с ним согласиться. Именно так!

Престарелая блудница выкрикнула длинную нечленораздельную фразу. Увы, Инге, специалиста по вымершим языкам, не было рядом, и смысл фразы остался загадкой для путешественников. Аборигены же определенно его поняли и разом вскинули сабельки над головами, пронзительно завизжав.

Толедо не стал дожидаться дальнейшего развития событий, пал на одно колено, выставил вперед сцепленные руки, в которых блеснул револьвер, и выстрелил. Стрелял он превосходно. Старуха всплеснула многосуставчатыми руками и ткнулась лицом в шкуру тигра.

– Валерий Павлович, – отрывисто бросил Толедо, – поспешите в самолет. Нам пора драпать.

Черемша, оглядываясь, двинулся к «Альбатросу». Подстреленная ведьма вдруг выпрямилась, выхватила изо рта трубку и протянула ее вперед. Валерию показалось, что дымящаяся чашечка вот-вот пронзит ему грудь. Человечки молча бросились в атаку, тигр грозно зарычал – так, что по воде пошла рябь, – а Толедо принялся стрелять с невообразимой скоростью.

Двигатели запустились с пол-оборота. Один за другим грохнули разрывы гранат, а Толедо уже нависал над пилотским креслом и орал: «Взлетайте же, Черемша! Взлетайте!»

– Не удалась робинзонада, – без капли иронии посочувствовал ему Черемша, когда самолет уже оторвался от воды.

– Кисмет, значит, моя такой, – вздохнул Толедо, прищутив по-татарски глазки. – Чему, значит, быть...

* * *

Невидящим взглядом Черемша смотрел на приборы. Криков или стонов кромсающего себя Толедо не было слышно – он, по-видимому, накачался морфием под завязку и боли не чувствовал. Черемша поглаживал одной рукою потерянный Инге шерстяной носок, невзначай обнаруженный им под штурманским креслом, и ему казалось, что он гладит нежную рыженькую шерстку на ее лобке. Он вспоминал почему-то только это – ее аккуратный лобок, да ещё, пожалуй, пухлые губы с зажатой в них дымящейся самокруткой. И яркую вспышку, в которой девушка исчезла, устремляясь к «штурвалу, управляющему миром».

Дверь, ведущая в кабину, медленно открылась. Толедо, гнусаво и нечленораздельно завывая, шатаясь, блестя выпученными глазами, голый, окровавленный, с пистолетом в левой руке и омерзительно липким гусиным крылышком в правой, прохромал вперед и устался в лобовое стекло, опершись на приборную доску.

– Поосторожнее, – прикрикнул на него Валерий, без особой, впрочем, надежды, что тот его услышит.

Толедо рывком обернулся.

– Пойдем, Черемша. Жги пакет и пойдем. Всего два выстрела – в грудь... и в грудь... Я знаю, ты сможешь. Ты сильный мужик! Уважаю тебя, – он бросил Валерию на колени пистолет. – Я бы и сам стрельнулся... да только в распятом виде несподручно, понимаешь. А это тебе на память, – он помахал гусиным крылышком, и выронил его из пальцев. Крылышко мокро шлепнулось на пол. – Дарю!

Пока Валерий привязывал Толедо к треугольному каркасу, тот со счастливой улыбкой пел: «Ухожу! Ухожу! Уходим! Выхожу! Выхожу! Выходим!» Вдруг замолк, улыбка, словно макаронина втянулась в глубь его черного рта, и Толедо сказал:

– Знаешь, Черемша, кем была малышка Ингеборга там, у нас? Ни в жизнь не поверишь. Мужиком! Прикинь, монахом-расстригой! Башковитым таким расстригой, языки разные тот расстрига знал... все о любви толмачил – совсем как она. Он келью покинул, пошел воевать... пардон, добро и Божий свет проповедовать. Тут-то мы его и ангажировали, полиглота нашего. Не отказался в страшное время культа личности погрузиться, нет. Мучеником думал стать. А стал, – вишь как, – бабой! Так что ты у нас сейчас вроде как мужеложец, Черемша. – Толедо хихикнул. – А настоящей-то бабой я был! Вилы, а?! – он даже взвизгнул от удовольствия. – Хочешь, Черемша, меня напоследок трахнуть? Я не про...

Валерий выстрелил.

* * *

Параллельным «Альбатросу» курсом с ревом пронеслись стремительные крылатые машины, похожие на наконечники копий, разворачивались вдалеке и возвращались к небесному тихоходу. Их действия совершенно недвусмысленно указывали на желательность посадки гидросамолета в указанном ими районе. Черемша не возражал.

Посадочная полоса была искусственно подготовлена к приему – засыпана ровным, матово-голубым снегом. А вокруг снеговой дорожки зеленела свежая, чистая июньская трава.

Черемша посадил самолет и, не дожидаясь остановки моторов, направился к выходу. Его уже не удивило исчезновение из рамы трупов, а со стен – кровавых иероглифов. Он приказал себе быть хладнокровным, быть готовым к чему угодно, зная, что мир стараниями экспедиции изменился кардинально, и что с момента вылета на Большой Земле промчались десятилетия...

И все-таки при виде встречающих у него отвисла челюсть.

Здоровенный круглолицый киргиз – яркие толстые губы, румяные тугие щеки, висячие усы и глазки-трещинки – был облачен в черную поповскую рясу, туго перетянутую военной португеей; на его плечах возлежали белогвардейские золотые погоны с двумя просветами и тремя косыми крестиками. Поп-офицер. В звании, как минимум, полковника. Черная фуражка с высоченной тульей несла золото-эмалевую кокарду: шестикрылый серафим с чрезвычайно строгим лицом, окаймленный стилизованными стрелами молний. Выпяченную борцовскую грудь киргиза осенял крупный православный крест, а пояс оттягивал огромный пистолет из серо-желтой нержавеющей стали в полуоткрытой кобуре.

По бокам полковника возвышались румяные воины-иноки рангом пониже, ростом повыше и со славянскими лицами, а за спиной выстроился почетный караул из рядовой братии саженой вышины: блестящие лаком и сталью карабины с примкнутыми штыками – у ноги. Да ещё поодаль стоял большой черный автомобиль, в котором маячило несколько смутных силуэтов.

Случись Черемше наблюдать такое зрелище в прошлом, он принял бы его за богато костюмированную комедию-буфф. Или за маскарад подозрительной направленности.

Впрочем, сейчас ни маскарадом, ни буффонадой не пахло.

Главный поп расплылся в улыбке и хорошо поставленным голосом нараспев, отчетливо «окая», молвил:

– Не Черемша ли ты Валерий Павлович, возлюбленный сын мой?

Черемша хмуро кивнул.

– Возрадуемся, братие! – взревел безупречным оперным басом поп. – Сокол, летавший к Свету, – воротился!

Грянул туш. Братие возрадовались, чеканно выполнили упражнение с оружием, взяв его «на караул» и снова замерли, устремившись лицами ввысь. Гвардейские иноки шагнули в ногу к Черемше и крепко ухватили его под белые ручки. Главный поп троекратно облобызал ошарашенному Валерию давно не бритые щеки и отступил в сторону.

– Идём, сокол, – сказал один из гвардейцев в ранге, кажется, прапорщика. – Покамест отец-настоятель с экзархатом о твоей судьбе совещаться станет, в пещерах посидишь, покаешься, а дале... А дале – видно будет.

– Келью ему посуше выберите, да накормить-напоить не забудьте, – сказал деловито полковник им вслед. – Ибо герой.

– Истинно так, святой отец, – отрывисто рывкнули гвардейцы, согласованно поворотившись к полковнику.

Черемша, скованный их чугунной хваткой и не успевший своевременно отреагировать на мгновенную перегруппировку свято чтящих устав иноков, проскоблил носками унтов по

земле. Главный поп величаво кивнул, мол, идите-идите, Бог с вами, и размахисто их перекрестил.

– Слушайте, братия, – спросил гвардейцев Черемша, когда они вошли в длинную кирпичную казарму и сжимавшие его руки чуть ослабли, – просветите: в какие такие пещеры вы меня волочете?

– Знамо в какие: на губу, – ответил прапорщик. – Ты чай, сокол, грешил в прежней жизни, скромное ел, когда пост, али кровь людскую лил, так? А раз так, каяться надобно.

– Воистину, – сказал второй инок высоким и пронзительным бабьим голосом.

– Я не умею, – попробовал возразить Черемша.

– Не беда, сокол, научишься. Какие твои годы?..

* * *

Дверь медленно-медленно закрывалась – словно иноки ждали от него чего-то и не спешили уходить. Черемша скользнул рассеянным взглядом по узкой, строго заправленной койке, из-под которой выглядывал бок боксерской груши, по буфету, по белому гудящему шкафчику непонятого назначения, фаянсовой раковине с латунным краном, одготумбовому столу, полумягкому стулу, спохватился и крикнул в уменьшающийся просвет:

– Эй, божие люди, чья хоть власть-то в мире нынче?

– Дак, любви! – донеслось из-за двери. – Любви, сокол!..

[– Воистину! – Начальник третьей Индийской, Его Преосвященства патриарха всея Евразии, Северной Африки и Австралии и его Возлюбленной Супруги, экспедиции – отец Никон. В миру – Джаггернаутов И.И.]

...Только в профиль

Улочка была косой, словно почерк левши. Бешено цветущие палисадники скрывали дома по самую крышу, глухие заборы казались бесконечными. Слева от выложенной «торцами» мостовой тянулась заросшая иван-чаем канава. Высоко в лазурном небе, невидимый с земли, истошно пел жаворонок.

Из канавы торчали голые ноги с украшенными татуировкой узкими ступнями. Наколка на левой изображала улыбающуюся кошку, на правой скалился питбуль в шипастом ошейнике. Над ногами кружились пчелы.

– Шикарно! И над трупами у вас не мухи! – с радостью первооткрывателя воскликнул Алексеев. – Им там что, мёдом намазано?

– Мёдом, – согласился Репей. Прошагал к телу, наклонился, обмакнул два пальца в тягучую розоватую жидкость, сочащуюся из пупка. – Хотите попробовать?

Алексеев, переменившись в лице, отшатнулся.

– Ну, как знаете, – сказал Репей и облизал пальцы. Мёд слегка горчил. – Недозрелый.

– С ума сойти!

– Мы же договорились, – мягко пожурил его проводник. – Ни слова о сумасшествии, галлюцинациях и так далее.

– Да-да, простите. – Алексеев скорчил покаянную гримасу. – Трудно удержаться, когда такое...

– А вы постарайтесь. Не все здесь столь же терпеливы, как я.

Алексеев торопливо закивал. Он вообще был покладистым типом, этот Петр Сёменович Алексеев. Репей мог только догадываться, как такой рохля смог заработать сумму, необходимую для путешествия. Тем более, для найма проводника высокого уровня. Украл? Вряд ли, не той породы собачонка. Скорей, его кто-то спонсировал. Кто-нибудь состоятельный, но не настолько тонко чувствующий, чтобы отличить подлинный материал от фальшивки. Или просто дорожащий собственной шкурой: чужаку сдохнуть здесь проще, чем облизать измазанные мёдом пальцы.

Репей воткнул между татуированными ногами вешку, оттянул усик на конце антенны и отпустил. Усик завибрировал, издавая еле слышный звон. Пчел будто ветром сдуло.

– Маяк, – пояснил он специально для Алексеева. – Если нужное место не пометить, через некоторое время хрен отыщешь.

– А что с ним случится? Зарастет кипреем? – Наверное, Алексеев пошутил.

– Не-а. Просто исчезнет.

– Свих... гхм, простите. Я хотел сказать – поразительно. Но для чего вам этот труп? Собираетесь захоронить? Разве местные жители не станут этим заниматься?

– Как раз местные-то жители с удовольствием здесь похозяйничают, – ответил Репей. – Через несколько суток медок созреет, и желающих заявить на него права образуется целая рота. Полного состава. А теперь всё законно. Вешка моя, то, что под нею – тоже моё.

– Этот... мёд столь ценен? – Алексеев почти не скрывал брезгливости.

– Как считать. Трёхлитровая банка тянет на цинк патронов. Да и то по хорошему знакомству. Сколько у вас стоит цинк винтовочных 7,62?

– Н... не знаю.

– Ну, тогда и говорить не о чём. – Проводник поправил ремень карабина и зашагал по звонким «торцам».

Алексеев напоследок взглянул на безостановочно вибрирующий усик антенны и устремился следом.

* * *

Паша Комиссованный отыскал Репья в «Пивной бочке». Впрочем, отыскал – слишком сильное слово. Где ему и быть, как не там. Семьи нет, постоянной женщины нет, работа – по мере поступления, а это самое поступление – по желанию. По его собственному. А в «Бочке» можно получить все радости невзыскательного гедониста в комплексе. Поесть-попить, попеть-поплясать, подраться-пообниматься. Выспаться, и на новый круг. Красота!

– Слышь, Виталья, – трясая изувеченной башкой, залопотал Паша. – Дело есть.

Репей подвинул ему собственный гранёный, наполнил всклянь и тепло улыбнулся.

– Угостись, обсудим.

Комиссованный посмотрел на стакан как Ленин на буржуазию. После Цхинвала руки у него вибрируют не слабее, чем голова, а пролить водку – обидеть угощающего. «Во дилемма! – подумал Репей. – Во я сволочь!»

Паша ненадолго задумался, потом решительно выудил из нагрудного кармана кожаный пенальчик, достал тонкий – словно инсулиновый – металлический шприц и прямо сквозь потную рубаху засадил иголку в грудную мышцу. В шприце был явно не инсулин. Трясти Пашу перестало уже через секунду.

– А сепсис, значит, по херу? – с уважением спросил Репей.

– Ща обеззаражу. – Комиссованный точным движением подхватил стакан и, не пролив ни капли, опрокинул в рот. Захрустел луковкой. – Теперь слушай. С Большой Земли скоро придёт научная экспедиция. Ну, всё как обычно: рабочие с погонами, профессора с сатириазом, студентки с порочными наклонностями...

– Опять американцы?

– Не, в этот раз шведы вроде. Кроме рабочих, само собой. Те-то конторские. Будут в перерыве между траханьем и попойками нас изучать. Далеко не полезут, да и кто их далеко-то поведёт, правильно? Так вот, один из «рабочих» желает совершить индивидуальную прогулку. С тобой.

– Ёт! – притворно огорчился Репей. – А я-то рассчитывал на порочную студентку. Надеюсь, у него хотя бы нет сатириаза?

– Об этом история умалчивает.

– А что история говорит об источнике знаний этого любознательного человека?

– Каких знаний?

– Обо мне, Паша. Откуда этот шныр в погонах проведаль о Виталии Сергееве по прозвищу Репей?

– Во-первых, он как раз без погон. Лет пять уже. А во-вторых – от меня.

– Ну ни хрена себе! И ты вот так просто это мне говоришь?

– Ага. – Комиссованный самостоятельно плеснул в стакан примерно на треть и тут же лихо выпил. – Дело в том, что я его знаю. Пётр Семенович Алексеев, бывший военврач. Собственно, это он меня с того света вытащил.

Пашу как раз снова начало потряхивать – пока периодами – и Репью подумалось, что Пётр Семенович вытащил его с того света не полностью. Какая-то жилка зацепилась за одёжный крючок в адской передней, и за неё сейчас дёргают проказливые чертенята. В три смены без выходных, с перерывом на укольчик. Выходит, жизнь у рогатых тоже не сахар.

– Он тебя оттуда вытащил, а ты его туда отправляешь. Браво, бис. Бурные овации зала.

Репей отобрал у Паши бутылку – тот примеривался налить себе снова – отхлебнул из горлышка и похлопал по прохладному стеклу ладонью, изображая аплодисменты.

– Да ладно!.. Он же пойдёт с тобой.

– С чего ты взял, милый друг? В средствах я не нуждаюсь, а приключений за последнюю ходку наелся – аж тошнит. Да и вообще у меня другие планы. Жениться думаю. Только невесту пока не нашёл.

– Вот в походе и найдёшь. Провинциальные девушки самые лучшие, а какая провинция глуше, чем Медведевский уезд?

– Оп-па! – сказал Репей. – Так вон чего твой военврач надумал.

– Ну а я о чём! Теперь не откажешь?

Репей помотал головой. После чего примерился и с силой метнул полупустую бутылку через весь зал. Бутылка грохнулась на стол, за которым сидела хорошо уже вдатая компания бронзовских скотоводов.

– Эй, мужички! – гаркнул Виталий. – А правда, что у ваших козлят личики – один-в-один, как у пастухов?

Скотоводы, страшно ругаясь и мешая друг другу, полезли из-за стола. Паша Комиссованный торопливо наполнял шприц из плоского синего пузырька.

Репей потёр руки. Хорошая драка перед походом – насущная необходимость. Примета такая.

* * *

Деревня кончилась могучими бревенчатыми воротами. На толстых будто крепостные башни столбах сидела парочка миниатюрных сфинксов и, хихикая, перебрасывалась фразами на своём карикатурном языке. Алексеев выпучил глаза, торопливо навёл на зверушек объектив фотоаппарата. Левый сфинкс возмущённо запищал и выпустил в него чёрную, тонкую как спица струю, резко пахнущую ванилью. Репей едва успел толкнуть ошaleвшего Пётра Семёновича в сторону.

– Аккуратней, турист, – мягко пожурил он. Алексеев закивал.

Репей бросил на сфинксов взгляд (те вновь увлеклись беседой, напрочь забыв о людях) и распахнул створки в седую от ковыля лесостепь с кудрявыми синими гребешками далёких деревьев.

– Красота! – без тени фальши проговорил Алексеев.

– ...Страшная сила, – подхватил проводник. – И если мы не будем с нею считаться, она нас раздавит. Доступно излагаю?

– Конечно, конечно, Виталий. Обещаю больше не предпринимать ничего без вашего одобрения.

Репей похлопал Пётра Семёновича по плечу.

– Вот и замечательно. Идите вперёд.

– А вы?

– А мне нужно ещё ворота закрыть.

Алексеев сделал несколько шагов и обернулся. Репей стоял лицом к столбу, совершая руками какие-то действия на уровне паха. Умолкшие сфинксы, вытянув шеи, напряжённо следили за ним. Створки величественно затворялись. Наконец они сомкнулись, и Репей тут же отступил от столба. Повернулся и, застёгивая на ходу ширинку, пошёл к Пётру Семёновичу. Тот сконфуженно улыбнулся.

– Традиция, – пояснил Репей, поравнявшись с Алексеевым. – Примерно как у ваших космонавтов.

– Понимаю, – сказал Алексеев. – А мне... можно?

– Валяйте, – разрешил Репей. – Только обязательно во время процесса пересчитайте свастик. Там в кружочке вырезаны, увидите. А то возвращаться – примета нехорошая. Надо её чем-то обезвредить.

* * *

Чем дальше шли, тем мрачнее становился Репей. Что-то ему здорово не нравилось. Несколько раз он останавливался и пристально всматривался в струистое золотое марево, заменяющее здесь горизонт. Наконец проводник попросил у Алексеева бинокль. Бинокль был суперсовременный, напичканный электроникой. Пётр Семёнович, сам не до конца изучивший все функции, начал, было, объяснять, как им пользоваться, но Репей буркнул «разберусь» – и почти вырвал прибор из рук «туриста».

– Кто кроме Паши Комиссованного знал, что вы уходите со мной? – спросил он, возвращая бинокль. – Говорили кому-нибудь?

– Н... нет... Я же понимаю. А что?

– Показалось, что нас преследуют. Верховые. – Репей вытянул губы трубочкой, подвигал ими в задумчивости. – Впрочем, ерунда. Будь у них такое желание, пеших-то догнали бы в два счёта.

– Кстати, давно хотел спросить, – оживился Алексеев. – Почему мы не поехали на лошадях? Ведь так значительно быстрее? Или там, куда мы направляемся, конным не проехать?

– Во-первых, – сказал Репей, – может получиться так, что и не проехать. А во-вторых, сомневаюсь, что вы сумели бы прокатиться на здешних скакунах. Смотрите сами! – Он вернул Алексееву бинокль. – Вон там, возле горки...

Пётр Семёнович приложился к окулярам. Сначала ничего не было видно кроме роя голубоватых не то мошек, не то пузырьков, но затем он сумел подобрать фокус. У подножия шишковатого как непропеченный пирог холма паслось около десятка крупных животных. Больше всего они походили на пятнистых рыже-красных кенгуру с висячими по-кроличьи длинными ушами. Один из «кенгуру» был осёдлан – на нём, подбоченясь, восседал наездник в мохнатой жёлтой бурке и таком же колпаке. На шее у всадника болталась винтовка. Неподалёку курился дымок костра, и стояло что-то вроде шалаша.

– Кто это? – испуганно спросил Алексеев. Ему показалось, что лицо у верхового было не совсем человеческое.

– Вот и мне бы хотелось знать кто, – сказал Репей. – С виду – пастухи из местных. Но что-то в стаде больно мало горбунков. Хотя, может, старатели... С месяц назад прошёл слух, что рыбаки на Медведевке самородки находят. Здесь-то золото и в рог никому не упёрлось, но если наладить канал с Большой Землёй, можно малость подзаработать.

– Они опасны?

– Всяко может получиться. Но вы не волнуйтесь. Самый опасный человек здесь – я. И все, кому следует знать, это знают. – Репей сказал это настолько просто и обыденно, что Алексееву сделалось ясно: так оно и есть.

– Тогда что вас насторожило?

– Понимаете, ведь охотиться-то смысл есть только за вами. И не здешним, а тамошним. Вашим землякам. Им-то по херу моя репутация, всё равно нападут, раз поставлена такая задача. – Он кривовато ухмыльнулся. – Вы хоть помните, за чем прибыли? Как полагаете, многим там может понравиться, если поход увенчается успехом?

– Никто посторонний не знает настоящей цели моего посещения, – твёрдо сказал Алексеев.

– Хочется верить. Ну да ладно, идёмте. К ночи мы должны добраться до Синего Ключа. Там начинается лес. Ни один чужак нас уже не найдёт.

* * *

Синий Ключ оказался криницей, заботливо помещенной в настоящий дом: с окошечком, дверью и под двускатной крышей. Конёк крыши венчала деревянная птичья голова – с гребнем, бородкой и хищным клювом. Глаза поблёскивали жёлтым; Алексеев навёл бинокль и разглядел солдатские пуговицы с двуглавыми орлами.

– Здесь заночуем, – сообщил Репей.

– Внутри?

– Нет, конечно. Вон, под дубом. Видите, там и кострище есть.

Проводник быстро установил маленькую линиялую палатку, притащил откуда-то ворох сушняка, развёл в круге закопчённых камней огонь и повесил на рогульке котелок. Уже через час сытый и немного пьяный Алексеев (Репей щедро плеснул в чай спирта) подрёмывал, привалившись спиной к бугристому стволу дуба. Проводник, бубня под нос незнакомую песенку, полную витиеватого до полной безобидности мата, чистил карабин. За границей света, отбрасываемого костром, кто-то шуршал, хрустел ветками, а порой принимался тоненьким голоском передразнивать Репья. Тот не реагировал. Шипящие и «л» у пересмешника получались неважно, поэтому Алексеев представлял его крошечным японцем в чёрном кимоно, расшитом золотыми драконами, с веером, самурайским мечом и почему-то в беленьких кроссовках. Потом пересмешников стало несколько, хор сделался громким, а слова песни – окончательно неразборчивыми... а потом Пётр Семёнович проснулся.

Правильнее сказать, его разбудили. Безо всякого почтения, пинком в живот.

Он охнул и повалился на бок. Его подняли. Перед ним стоял профессор Съёберг в окружении давнишних не то пастухов, не то старателей в жёлтых колпаках и бурках. Двое желтоколпачников держали Алексеева под руки, остальные напряжённо вглядывались в ночной лес. Морды у них оказались и впрямь не совсем человеческими: с широкими безгубыми пастями и подвижными носами землероек.

Возле огня сидела на корточках затаенная в облегающий камуфляж аспирантка Агнесса. На красивом веснушчатом лице цвёл жаркий румянец. Она курила, поигрывая маленьким револьвером.

– Я думаю, долго мы с вами разговаривать не будем, – на чистейшем русском сказал швед. – Вы мне расскажете всё о... о предметах, за которыми направляетесь. А потом пройдёте с нами и определите нужный. Да, ещё неплохо, если б вы прямо сейчас кликнули своего проводника. Он куда-то сбежал. Боюсь, не натворил бы глупостей. Его ищут, и, разумеется, найдут, но мне бы не хотелось... э-э, жертв.

– Подите к чёрту, Съёберг, – сказал Пётр Семёнович, нарочно выделив «ёб».

Швед кивнул, и держащие Алексеева желтоколпачники заломили ему руки. Он заскрежетал зубами от боли. Когда подошедшая Агнесса прижала к его щеке горящую сигарету, он заорал.

– А теперь? – спросил Съёберг, когда Алексеев умолк. – Передумали? Вы же разумный человек, должны понимать, у кого на руках козыри.

Алексеев молчал, тяжело дыша.

– Ну что же вы так долго размышляете? Представьте, что моя очаровательная спутница приложится вам сигаретой не к щеке, а к глазу. Или отстрелит что-нибудь исключительно дорогое для мужчины. Или...

Послышался короткий свист, завершившийся сдвоенным мокрым стуком. Швед резко замолк. Лицо его исказила гримаса недоумения. Он посмотрел под ноги, широко, но беззвучно открыл рот и вдруг начал валиться назад.

Алексеев скосил глаза вниз. Возле Съёберга стояла на задних лапах зверушка вроде луговой собачки. Полуметрового роста, с птичьим веерообразным хвостом. В передних конечностях она сжимала сабельку, похожую на короткий ятаган. Обе ноги шведа ровно под коленями были аккуратно перерублены. Зверушка, пришепётывая, пропела фразу из кабацкой песенки Репья и молниеносно шмыгнула прочь.

Из темноты ударил выстрел. Агнесса, роняя сигарету, схватилась за грудь, и тут же выстрелы посыпались точно горох из худого ведра. Желтоколпачники с визгом заматались. Они налетали друг на друга, падали – и больше не подымались. Те двое, что держали Пётра Семёновича, бросились куда-то за дуб и вымахнули уже на горбунках. Один болтался в седле такой расслабленный и мягкий, что было совершенно ясно – не жив. Второй бешено стегал своего скакуна, но на его плечах уже пританцовывал, словно акробат на канате, зверёк-певец. Веерообразный хвост упруго трепетал, помогая балансировать, страшная сабелька чертила круги, с каждым разом всё ниже и ниже обрубая жёлтый колпак.

Через минуту всё было кончено. К костру вышел Репей – напружиненный, опасный. Толкнул ногой неподвижную Агнессу, склонился над всё ещё подёргивающимся Съёбергом. Направил карабин в голову шведа и посоветовал:

– Отвернитесь, Пётр Семёнович.

* * *

Удивительно, но они отнюдь не выглядели чужеродными в гнезде из веток, сухой травы и пёстро-го пуха. Девять крупных яиц, украшенных эмалью, драгоценностями и золотом. Серебряные подставки небрежно валялись в траве. Рядом топталась большая бурая птица с кукушинной полосатой грудкой и желтоглазой головой – точь-в-точь как на коньке избы над Синим Ключом. На людей она посматривала со смесью доверчивости и тревоги.

– Алконост? – спросил Алексеев.

– Угу. – Репей кивнул. – Да ведь вы и сами знаете.

– Знаю, – согласился Пётр Семёнович. – Но мне помнится, у него... у неё должна быть корона, девичье лицо и грудь...

– Да вы, оказывается, шалун! Специализируетесь по девичьим грудкам?

– Ну что вы! – смутился Алексеев. Затем, впрочем, нашёлся: – Скорей по птичьему молоку.

Репей с удовольствием захохотал. Пётр Семёнович улыбнулся и спросил:

– Я могу к ним прикоснуться?

Проводник взял пальцами за нижнюю губу, собрал лоб морщинами и издал переливчатое курлыкание. Алконост кивнул, потряхнув роскошным гребнем.

– Можете.

Алексеев энергично растёр подрагивающие руки и дотронулся до крайнего яйца. Оно было пустым. Тогда Пётр Семёнович коснулся малахитового. Тёплая нежность и ощущение небывалой жизненной силы хлынули через пальцы. Алексеев упал на колени и разрыдался.

– Оно? – зачем-то спросил Репей.

Алексеев, счастливо смеясь, затряс головой так, что слёзы полетели во все стороны.

– Надо же! – Проводник наклонился к зверьку-самураю. – Ты верил, что у нас это получится?

Тот ответил непристойным куплетом и шумно затрещал хвостом-веером.

– А ты? – Репей взглянул на алконоста. – Хотя ты-то должен был верить.

– Я знал, – сказал алконост.

В это время треснула малахитовая скорлупа.

Птенец был уродлив, как все птенцы хищных птиц. Несоразмерно большие головы бесильно мотались на мокрых тонких шейках, клювы разевались, демонстрируя яично-жёлтое нутро, слепо таращились затянутые белёсой плёнкой глазки, разъезжались слабые лапы, – и только металлическая бляшка на груди яростно горела имперским золотом.

– Кажется, у этого чуда должна быть корона, – заметил Репей.

– Будет! – пообещал Пётр Семёнович.

* * *

Через два дня птенец всю жрал мух и червяков, пронзительно орал, если кормёжка задерживалась, и больно лупил клювами по подставленному пальцу. Ножки и шейки у него окрепли, глазки прояснились, на зачатках крыльев начали появляться крошечные пёрышки, а коготки отвердели. Алексеев вился над ним, как орлица над орлёнком, соревнуясь в проявлениях материнского инстинкта с алконостом. Тот так больше и не проронил ни слова, сколько Репей ни пытался его разговорить.

Проводник скучал. От ловли насекомых он сразу отказался, объявив, что в оговорённые функции это не входит. Он вообще относился к птенцу без приязни и едва ли не настороженно. Когда Алексеев допытывался, почему так, отвечал уклончиво, а после особенно настоятельных расспросов признался, что всегда был в принципиальных неладах с государственной властью, отчего и сбежал однажды сюда.

– С одной стороны, вроде, в Отечестве живёшь, а с другой – поодаль.

Пётр Семёнович неодобрительно хмыкнул и, размахивая сачком, побежал ловить кузнечиков.

Ещё через день Алексеев засобирался в дорогу. Он соорудил на дне своего рюкзака пуховую берлогу и наловил полный садок всевозможной летающей, прыгающей и ползающей живности.

– Пора выдвигаться, – сказал он Репью, усадив возмущённо пищущего на два голоса птенца в подготовленное гнёздышко.

– Родина заждалась? – Проводник посмотрел на бравого «туриста» с иронией.

– Не нужно так, Виталий, – мягко попросил Алексеев.

– Хорошо, не буду, – серьёзно сказал Репей и переглянулся с алконостом. – Откроешь окно?

Алконост захлопал крыльями и пронзительно заклекотал. В нескольких метрах от гнезда закрутился маленький горизонтальный смерч, начал укорачиваться, одновременно расширяясь и как бы выворачиваясь наизнанку. Наконец раздался хлопок, и на месте исчезнувшего смерча появилось багровое, словно печной зев, жерло «окна».

– С ума сойти! – воскликнул Алексеев, запоздало опомнился и прикрыл рот рукой. – Простите, Виталий.

– Да ладно. Я и сам когда в первый раз увидел, не сдержался.

– Слушайте, но если можно вот так, запросто... какого чёрта мы тащились сюда так долго?

– А это, дорогой Пётр Семёнович, пусть останется для вас загадкой. Если разгадаете, вернётесь. По рукам?

– По рукам! Так я могу идти?

– Вперёд! – сказал Репей. – Да садок не забудьте. Наши-то букашки проверенные, экологически чистые, а у вас там цыплёнка ещё неизвестно чем кормить будут. Заработает расстройство желудка – вся страна передрищется.

Алексеев натужно рассмеялся.

* * *

Усик антенны колебался медленно, словно преодолевая сопротивление жидкости. На его конце сидела большая, очень красивая – белая с алым – бабочка. Репей присел рядом с вешкой на корточки. Девушка лежала в коконе собственных русых волос как пасхальное яичко в гнезде алконоста. Репей посмотрел на её ступни. Татуировки исчезли без следа, пяточки были младенчески-розовыми. Мёд в чашечке пупка приобрёл золотистый цвет. Репей опустился на четвереньки и лизнул мёд языком.

Девушка поёжилась от щекотки и хихикнула.

– Я жениться собираюсь, – сообщил Репей её светящемуся лицу. – Сказали, что у вас, в Медведевском уезде, лучшие невесты.

– Ну и как, правда? – спросила девушка, открывая глаза.

– Похоже на то, – сказал Репей и подал ей руку.

Высоко в лазурном небе, невидимый с земли, истошно пел жаворонок.

На излёте

Готово. Началось.
Борис Пастернак

Ахалтекинец главнокомандующего шёл как по струнке. Свита, несмотря на снеговые плюмажи, золотые аксельбанты, солнечные кирасы, несмотря на коней и оружие, рядом с богатырём Михаилом Александровичем казалась стайкой воробьев, вприскок за хозяином двора кочетом.

Тит испугался несуразных крестьянских мыслей и вытянулся сильнее, хотя только что казалось – сильнее некуда. За ребрами, где у православного положено жить сердцу, возник тяжелый, горячий, толчками раздувающийся желвак. Когда великий князь остановил тонкого Черемиса напротив батареи Тита, желвак в груди взорвался.

Шрапнелью.

– Четвёртая? – коротко справился Михаил Александрович у графа Курамышева-Дербентского.

– Она, – с гордостью отвечивал граф.

– Ахейцы! – воскликнул великий князь. – Сокрушим басурманина, артиллерия?

Бомба в утробе Тита образовалась и взорвалась повторно, наполнив его огнём и восторгом. Он, как положено, отсчитал: четыре-три-два-и-раз, – и гаркнул вместе со всеми: «Рад умре ву слав О-те-че-ства!» Аж слёзы брызнули.

Когда проморгался, главнокомандующий стоял прямо перед ним. Тит забыл, как дышат, и одеревенел.

А Михаил Александрович встопорщил смоляные с нитками ранней седины усищи и, будто империял отчеканил, спросил. У него, у Тита, спросил:

– Как звать, витязь?

– Бомбардир Тит Захаров. – Слова вышли наружу совершенно без участия Тита.

В бок ему немедленно воткнулся чей-то чугунный кулак. «Ваше сиятельство», – зашипело с тылу бешеным голосом майора Сипелева.

– ...Ваше сиятельство! – отрывисто добавил Тит, уже понимая, что от раны, полученной при отражении первого десанта антиподов под Дюнкерком, лекари выходили его, дурака, ой как напрасно. Позабыть такое...

Михаил Александрович усмехнулся и промолвил:

– Меня не бойся, бомбардир. А врага тем паче не смей! – Он строго и в то же время весело взглянул на блестящие радостным самоварным блеском пушки Четвёртой батареи. Поверх строя глянул. Ростиче саженный и не то ещё позволял проделывать великому князю. – Что, женат ты, Захаров? Или блудом живёшь, по кружалам харю мочишь?

– Женат, ваше сиятельство! – с восторгом выкрикнул Тит.

– В который раз?

– Первый, ваше сиятельство!

– Ого! Орёл. Сколько кампаний прошёл, бомбардир?

– Шестая будет, ваше сиятельство!

– Вот как?!

То ли показалось Титу, то ли и впрямь в глазах главнокомандующего мелькнуло восхищение. Да отчего бы и не мелькнуть? В пяти походах выжить и жену не потерять – это же за малым не сказка.

– Ну, так люби супругу сей ночью, как в последний раз. А ежели останешься в грядущей баталии живым, бомбардир Тит Захаров, пожалуй тебя офицерским званием, – сказал Михаил Александрович, через мгновение взлетел на Черемиса и поскакал прочь.

А со стороны майора Сипелева раздался громкий костяной стук.

Должно полагать, это захлопнулась разверстая от изумления майорская пасть.

И мерцал закат, как блеск клинка.

* * *

– Приплыли-то они, антиподы-басурмане, из-за Норманнского океана на больших паровых кораблях, – покручивая конец пегого бакенбарда, рассказывал Кузьма Фёклов молодым артиллеристам. Тит не у каждого из них имена-то покамест знал. А у многих после завтрашнего боя так никогда и не узнает.

Кузьма брехал, чем далее, тем диче и нелепей:

– У каждого корабля пять труб кирпичных, четыре гребных колеса медных, пять палуб дубовых. На каждой палубе пятьсот птиц скаковых да тысяча солдат. Солдаты-то худющие, цветом кожи рыжие, головы плешивые. Сами телешом, только на чреслах юбка из пера срамоту прикрывает. Ружей у них нет и пистолетов нет. Сабель тоже нет. Луки есть и топоры махонькие, чтоб бросать.

– А пушки-то, небось, есть? – спросил какой-то губастый, безусый, сметанная голова и очи столь синие, каких у солдат не бывает.

– Пушки, само собой, есть. Но не то что у нас, а чугунные и тоже на пару. Басурманские канониры топку-то пушечную распалят, а как завидят, что бока покраснели – и давай в жерло либо ядра, либо мелкие камни-кругляши бычьей лопаткой швырять. Потом отбегут и дёрнут рычаг особливый. Тут она и стрелит. На три версты паром сожжёт, камнями посечёт.

– Будет врать! – не вытерпел, расхохотался Тит, находивший, что чересчур пугать новобранцев не след. – Не слушайте-ка его, робяты, он же пустомеля. – Три версты паром! Эва загнул.

– Ну, не три, – без спора согласился Кузьма. – А всё одно дело швах. Неладно умирать, когда пулей убьют или палашом порубят. Но когда постигнет огненная кара, и живьём сварят, как чайнец утку, вдвое хуже.

– А за каким лешим приплыли-то они? – снова спросил губастый-синеглазый, сметанная голова. – Правду ли говорят, будто людоеды они, эти рыжие басурманы? У себя, говорят, всех крестьян да мещан поели, вот и погнал их голод через море.

– То половина правды, – отвечал Кузьма Фёклов, закуривая трубочку и незаметно подмигивая Титу: не мешай, дескать. – Едят они не мясо людское, а только требуху да мозги. А потом их шаманы в башку-то опустевшую ящичек нарочитый вкладывают. Из ракушек он сделан, из крабовых панцирей. Круглый, наподобие бутоньерки от конфект монпансье. Только внутри не леденцы, а крючки разные, шпеньки, пружины да зубчатые колёсики. Как у брегета к примеру. Видали? Нет? Ну, нате, мой поглядите. Эй, аккуратней, стоеросы, не напирать!

Новобранцы столпились вокруг Кузьмы, жадно рассматривали открытые часы.

– Вот так и в том ящичке, – сказал Фёклов, бережно убирая дорогой брегет за пазуху. – Сквозь темечко покойнику, ясно, скважину проламывают для ключа, и свинцом оковывают. А брюхо сухой травой да корешками набивают, жилой зашивают. Заведут после такого мёртвого человека ключиком на сто оборотов – и встаёт он и делает, что прикажут. Спать ему не надо, жрать-пить не просит. Так и бродит, покуда вовсе не сгниёт. Зовётся зоб.

– Сами рыжекожие басурмане поголовно заводные, – поддержал брата-ветерана Тит. – Только плоть у них долго не гниёт, потому как крепко просолена и провялена.

– Да ну! – в голос засомневались новобранцы, нервно похохатывая. А пуще всех ржал любознательный губошлёп, сметанная голова. – Вовсе уж вы зарапортовались, мужики. Сказки бабы говорите.

– Мы вам не мужики, сопливцам, – тёплым, да грозным голосом сказал Тит. – Мужики землю пахут, мы – супостатов убиваем. И вы завтра будете. Быстро, грубо и умело и ваш дух, и ваше тело вымуштрует война. А теперь марш полковым маткам под юбки. Спать всем. Да мигом! – прикрикнул со строгостью.

Сам же поднялся пружинисто с ранца кожаного, добела за годы службы вытертого, рубаху чистую одёрнул и двинулся на женскую половину бивака.

К Кулеврине своей Авдеевне.

* * *

Ох и горяча у Тита жена! Поддаёт в страсти, как кобылица норовистая – другого мужа, не столь могучего да проворного разом скинула б. Да Захаров Тит не любой. Уд у него – тот же банник орудийный: толст, крепок. Руки жилами канатными перевиты, живот втянутый, весь бугристый от напряжения, как стиральная доска полковой прачки. Кость у Тита широкая, ноги колесом из-за мышц толстых, да сухих, без жирка.

Кулеврину бомбардир охаживал со звериным рёвом, она отвечала стоном нутряным. Не было у них никакого стыда, не было скромности. Не до того сейчас, чтоб таить от людей ночное супружеское сражение, когда наутро будет сражение смертное!

О, шествие любви дорогой триумфальной!

И четвёртые объятия подобрались к пику. Тит ухнул филином и выплеснулся с гидравлической силой, как говаривал знакомый бесстыдник, любимец французского уланского полка поэт Крюшон.

– Довольно, что ли? – Бомбардир куснул ласково жену за литое плечо.

– Глупый ты у меня, – нежно сказала Кулеврина. – Второго уж разочка довольно было. Я ж говорила.

Тит заважничал наподобие молодожёна:

– Мало ли чего ты лопочешь, когда...

Она сжала его щёки ладонями, прикрыла рот поцелуем. Оторвалась, мотнула головой – волосищи распущенные взметнулись.

– Уйдёшь?

– Останусь, – после недолгого раздумья решил Тит.

Кулеврина от радости совсем не по-бабы, а по-девчоночьи тихонько взвизгнула, изо всей силы прижалась к нему большим своим телом.

– Будет, чего ты... – бормотал Тит. – Ну, не последний же раз милуемся. Ты вот чего слушай. Когда побьём антиподов, мне званье офицерское дадут. Сам великий князь Михаил Александрович обещал.

Кулеврина поверила сразу. Закаменела.

– Тут ты меня и бросишь. Уйдёшь, я умру.

– Нет, – твёрдо сказал Тит. – Никогда не брошу. Обещаю.

– Смотри, кто гуляет! – сказала через минуту Кулеврина, утирая слёзы. – Вроде, знакомец твой.

Полог они не опускали, и Тит увидел, как невдалеке, по-журавлиному вздымая ноги, вышагивает французский улан Шарль Крюшон, сочинитель бесстыдных стихов. Рядом семенила тонкая, словно тростиночка, Жизель. На голове – реденький венок из ромашек. Волосы у неё были светлыми-пресветлыми, как у любопытного губастого новобранца, только отливали не соломой, а полированной сталью.

- Она впрямь ему сестра? – с восторженным бабским ужасом спросила Кулеврина.
- Кузина. Значит, двоюродная. Либо того дальше. А то ты не знала.
- И они, правда, ложатся вместе?
- Истинная правда.
- Так это же блуд! – сладко обмирая, сказала Кулеврина.
- По-нашему, может, и блуд, – молвил, зевнув, Тит. – А по-французски обычное дело.

Давай-ка спать, родная.

Прежде чем закрыть глаза, он ещё раз взглянул в сторону галльской парочки. Шарль широко и плавно размахивал руками – наверное, читал срамные стихи. Глаза моей сестры бездонны и безбрежны, как ты, немая Ночь, и светятся, как ты. Огни их – чистые и страстные мечты, горящие в душе, то пламенно, то нежно.

А Жизель кружилась на одной ножке. Танцевала.

* * *

К третьему часу сражения извелись. Уж и переговариваться сил не оставалось. Лежали на сладкой мураве и слушали, как рокошет, гремит, трещит на бранном поле. Нюхали кислый пороховой дым, что приносило изредка ветерком, слушали отзвуки дикарского визга рыжекожих басурман. Молились.

Позиция сипелевской батареи была секретная, возле глубокого и преширокого лога, по склонам густо заросшего орешником. Решили штабные генералы, что всенепременно поведут антиподы логом отборные части, дабы ударить в тыл объединённым европейским войскам. Видали тут ночью их разведчиков на страшенных птицах, что питаются, как известно, тухлым человеческим мясом.

Пойдут, встретим.

Охраняли батарею французские уланы, полторы сотни. Кони у них умницы – лежат, не всхрапнут, не заржут. Кузины, как одна, простоволосые, локоны в тугие пучки убрали, а перси – наружу. Война! Ля гер!

И в бой уланы первыми вступили. Авангард антиподов верхами на птицах-плотоядах шёл. Пропустили их французские кавалеры глубже в лес, чтоб ни один назад не убежал, да ударили в сабли.

Басурмане, которых сразу не срубили, резвы оказались: побросали птиц, завывали-заголосили не по-людски, и врассыпную. Поди, догони на конях в сплошном кустарнике! Выскочил один рыженький и к расчёту Тита Захарова. Ровно пацан какой – тощий, маленький, голый. Носатый и весь узорами мерзостными разрисован. С топором. Успел он топориком замахнуть, не успел метнуть. Тит его банником по голове приласкал. Рухнул антипод, череп у него словно нежный хрящ ребёнка лопнул, и как ракушка-перловица раскрылся, а оттуда не кровь с мозгами – шестерёнки жёлтенькие!

Удивляться некогда было. Потому что полезли в лог тысячи пеших демонов рыжекожих. Без особого порядка, вроде муравьёв. Часть колонной прёт, а часть по кустам собаками шныряет. Того и смотри, наткнутся на пушки.

Тут и загрохотал майор Сипелев:

– Четвёртая, пли!

Враз повалились плетёные из орешника фашины, засияла на солнце смертоносная орудийная бронза. Навёл Тит Кулеврину свою Авдеевну жерлом на басурманскую силу, развёл лядвеи литые, крикнул надрывно:

– С богом, родимая!

Кулеврина поднатужилась, ахнула мучительно – и пошла рожать.

У-ух! У-ух! Садит почитай без передышек. У-ух!

Не зря, видно, бомбардир Тит Захаров ночью четыре любовных захода делал.
У-ух!

Жужжат шрапнели, словно пчёлы, собирая ярко-красный мёд.

Когда заряды кончились, загородил Тит собой жену, снова за банник взялся. Глядь, а рядом Шарль Крюшон стоит. Без коня бесстыжий поэт-улан, без пистолетов. Каска с конским хвостом помята, сестрёнка Жизель в крови по самую рукоятку. Видать, есть среди антиподов и живые люди, не одни мертвяки заводные. Рубит Крюшон басурманские головы, как траву косит. Плюётся словами молитвы незнакомым французским богам:

– Мерд! Мерд!

Роковая стрела, что убила его, на излёте уж была. Попади она в кирасу уланскую, соскользнул бы широкий наконечник вовсе без вреда. А только угодила она чуть выше нагрудника, грифоном украшенного – аккуратно в горло поэту. И тотчас пошли у него изо рта пузыри, цветом вроде как арбузный сок.

Без единого слова упал Крюшон ничком и саблю выронил.

Подхватил её Тит, заревел раненым медведем и попёр на рожны басурманские.

Сколько времени рубил, не запомнил. Когда рука подыматься перестала, и от потери крови ноги заплелись, подставил ему плечо свой, артиллерист. Насилу узнал Тит в закопчённом брате-солдате новобранца губастого. По сметанным волосам, ставшим кое-где бурыми, да по очам синим, каких у солдат не бывает.

Осмотрелся бомбардир. В логу рыжих тел басурманских навалено – будто икры кетовой в судке со свадебного стола. Знато! Знато!

– Как звать? – из остатней моченьки спросил Тит новобранца.

– Сашкой! Сашкой меня звать.

– Слушай, Сашка. На тебя оставляю Кулеврину Авдеевну. Так и доложишь господину майору Сипелеву, если живой он. Запомни, Сашка, что пушка она редкой мощи и точности. А уж как бабу её и сравнить-то не с кем. Жалей, холи её, артиллерист! – И повалился бомбардир Тит Захаров наземь.

Запричитала, завывала бессильная после стрельбы Кулеврина. Захлопотал возле умирающего бомбардира новобранец Сашка, роняя из синих глаз, каких у солдат не бывает, слёзы. Те, что бывают у солдат на войне очень часто.

Тит попробовал ему улыбнуться, да не смог. Как же так, подумал он, я, носитель мысли великой, не могу, не могу умереть.

А потом солнышко погасло.

* * *

Жеребца возвращавшийся из госпиталя прапорщик Захаров разгорячил не по надобности, а от ребячества. Покрасоваться захотел. Как-никак родная его батарея попала навстречу. Хоть теперь и бывшая.

Когда конь поднялся на дыбы, затанцевал, Жизель тихонько ойкнула, обхватила Тита тонкими руками, прижалась остренькими рёбрышками к его боку. Знакомые и незнакомые артиллеристы заорали восторженно, кто-то подбросил в воздух шапку. Потом шапки полетели густо.

Непривычно бледный лицом майор Сипелев – вкруг шеи лилейный шарф ордена Триумфа, левая рука на чёрной перевязи – как равному отсалютовал Захарову шпажкой.

Проезжая мимо Кулеврины Авдеевны, Тит отвернулся. Невмоготу было глядеть на её ядрёное бронзовое тело, недавно ещё родное и манящее, а сейчас, после того, как познал прапорщик Захаров французскую ласку тростиночки Жизельки, опостылевшее.

Кулеврина, закусив до крови фитиль, промолчала.

Уйдешь, я умру.

«Гордая», – со странным, сладко-горчащим чувством подумал Тит.

Уйдешь, я умру.

А Сашка – сметанная голова, очи синие, каких у солдат не бывает, вдруг звонким и весёлым голосом завёл:

Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши жёны?

Батарея, затопав сапожищами сильнее прежнего, подхватила:

Наши жёны – пушки заряжены,
Вот где наши жёны!
Наши жёны – пушки заряжены,
Вот где наши жёны!..

Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши сёстры?

Наши сёстры – пики, сабли востры,
Вот где наши сёстры!
Наши сёстры – пики, сабли остры,
Вот где наши сёстры!..

Тит дождался любимого: «Наши деды – славные победы!» – молодецки гикнул и пришпорил жеребца.

Уйдешь, я...

Скорый вне графика

«Та-та-тат-та... Та-та-тат-та...»

Смех напоминал быстрые, несильные удары деревянным молотком-киянкой по железнодорожному костылю. Молоток был чересчур лёгок и совершенно не предназначен для подобной работы; костыль вбивался с трудом.

«Та-та... Тат...»

Азотов посмотрел долгим взглядом на сизые рельсы, на сливочное небо, на оседлавшую путевую стрелку сороку и потёр нос пальцем. Ему вдруг совершенно расхотелось идти выяснять, кто балуется с киянкой.

– Думаешь, «хохотушка»? – спросил он у Жулика.

Жулик без энтузиазма подвигал пушистым задом и боднул лбом его ногу.

– Вот и я думаю, что она, – заключил Азотов. – А раз так, пойдём-ка обратно к Лёнке. Ну её совсем, «хохотушку» эту.

Пропев нарочито скрипучим голосом «белая ночь опустилась, как облако, ветер гадает на юной листве», он тихонько вздохнул – времена, когда песня была популярна, а он юн и способен восторгаться белыми ночами, остались в прошлом, – и вошёл в дом. Жулик скользнул следом.

Леонид откровенно скучал. Сидел, заложив руки за голову, и бессмысленно таращился на выцветший календарь с купающейся мулаткой. Бутылка перед ним на треть опустела, кроссворд наполовину заполнился. Когда появился Азотов, Леонид переместил руки на стол, отбарабанил пальцами незамысловатый ритм и сонно моргнул.

– Ну, Вовка, ну ёханный же бабай! – сказал он укоризненно. – Ну что ты бродишь туда-сюда как тень отца Гамлета? Сам же говорил, сейчас «окно» три с половиной часа.

Азотов глянул на наручные часы, сверился с настенными. Настенные по обыкновению вращались. Он знал это абсолютно точно, однако стрелки не подводил ни при каких обстоятельствах. Принцип обращения штурмана с морским хронометром гласит: «Не вмешивайся в работу тонкого механизма; для правильного вычисления времени достаточно знать поправку». Азотов отдал морской службе пятнадцать лет, и многие законы флота стали для него законами жизни.

– Теперь уже три часа десять минут, – педантично отметил он.

– Тем более, – невпопад сказал Леонид. – Тем более... Садись, трудяга, я тебе бутерброд сделал. Богатый такой бутербродище. С горчицей. Слой колбасы местами достигает двух сантиметров. И это – если не считать подложки из свежего листа салата! Сам в рот просится.

Азотов присел на скрипнувший табурет. По богатому бутербродищу деловито прохаживалась муха. Зелёная по розовому. «Хуже было бы, если наоборот», – философски подумал он, согнал муху, решительно откусил от бутерброда и начал жевать...

– Лёня, – раздельно сказал он через секунду, аккуратно вытолкнул влажный кусок изо рта и отдал Жулику. – Лёня, блин, тело ты серое, падоночное. Я ж тебе русским языком говорил, не бери куриной колбасы.

– Хорош скандалить, отец, – беззаботно отмахнулся Леонид. – Ну, куриная, ну и что? Зато свежая. Если бы ты видел тамошний сервелат... – Он скроил гримасу предельного омерзения. – Его ж от плесени на три раза с мылом мыли, постным маслом для блеска натирали. Я, к твоему сведению, полгода грузчиком в гастрономе проработал, и подобные фокусы на раз вижу. А эта, – он любовно похлопал колбасный батон по тугому боку, – только вчера кукарекала, крыльями била и несущек топтала. Так что – без комплексов, отец. Жуй, глотай.

– Я не могу, – терпеливо объяснил Азотов. – Не лезет в меня курятина.

– Накати стопарь, как родная пойдёт.

– Во время несения вахты...

– Какая вахта, отец? – весело перебил его Леонид. – У тебя впереди три часа халавы, а ты долдонишь о какой-то, блин, вахте. Ну Вовка, ну йопэрэсэтэ, к тебе раз в год приехал лучший друг, а ты строишь трезвенника и трудоголика. – Он подбоченился, откинулся на стуле и прокурорским тоном проговорил: – Признай, ведь не будет сейчас по расписанию поездов?

– По расписанию не будет, – сказал Азотов, надавив на «расписание».

– Тогда какие проблемы? Мы ж без фанатизма, по сто пятьдесят врежем под бутербродик, и хорош. Э-э-э... постой-ка. – Леонид притворно нахмурился. – Я что-то недопонял... Тут что, и без расписания ходят?

– Гм, – сказал Азотов. – Гм.

– Кончай хмыкать. Ходят?

– Ну, как бы, да.

– Иди ты! – радостно удивился Леонид. – А кто? Контрабандисты?

– От нас до границы тыща вёрст, – усмехнулся Азотов и вдруг решил: – Несуществующий поезд, понял?!

– Иди ты! – снова сказал Леонид, теперь уже недоверчиво. – Несуществующий поезд, офигеть! Типа, Летучий Голландец стальных магистралей? Отец, а может, ты уже вмазал? Или травкой балуешься? Я видел, какая у тебя тут конопля...

Азотов опёрся щекой на кулак, вытянул губы и стал внимательно смотреть на друга.

Под столом шумно искался Жулик, давешняя муха билась об оконное стекло, «хохо-тушка» в кустах за домом заходила в истерику «т-т-т-т-тат!». Через минуту Леониду стало неуютно, он покаянно улыбнулся и пробормотал:

– Слушай, отец, взгляд у тебя! Не Азотов, а прямо Азатотов какой-то. Демоническая личность. Ты, в общем, того... Ты не серчай на меня... Я понимаю, фольклор путевых обходчиков, станционных смотрителей и всё такое...

– Фольклор? Да я его видел, – убеждённо сказал Азотов. – Лёня, гадом буду, я его вот этими глазами видел. Первый раз в прошлом году, в такую же белую ночь. Жулик запросился на двор, я и вышел с ним. А по железке – гул. Идёт состав, вне расписания идёт. И не по своей нитке, сука. Я бегом к стрелке, даже выматериться забыл. Едва успел перевести, тыдымс, пролетел! Смотрю – пассажирский. Короткий, всего десяток вагонов и такой, знаешь... – Азотов подвигал пальцами, словно ловя в воздухе подходящее слово. Поймал и тут же запустил щелчком в сторону Леонида: – ...Фильдеперсовый...

– А точнее? – не понял тот специфического термина.

– Форма у вагонов совершенно необычная и цвет серебряный. Я, конечно, удивился, но не особенно. Решил – какой-нибудь новый «фирменный», скорый. Пропустил я его, кулаком погрозил, стрелку назад переставил, и к телефону. Какого, дескать, рожна? А диспетчер на меня – примерно как ты сейчас. «Пьёте там до белой горячки, уже поезда мерещатся...» Ну, я ему ответил добрым словом, трубку положил. Потом с мужиками пообщался. Многие его видели. Кто раз, кто два-три. А у меня он после того стал периодически появляться. Как белые ночи и утреннее «окно», так держи ушки на макушке. Раз в квартал в четыре сорок две летит. И всегда по чужой.

– С ума сойти, – протянул Леонид. – Ну а ещё какие-нибудь... фильдеперсовы чудеса на железке бывают?

– Да бывают кой-какие, – сказал Азотов. – Насухо хрен поверишь.

– Так я разолью?

– По сотке, – подумав, согласился Азотов. – Но не более, старичок.

– Оте-ец... какие дела, само собой по сотке! Для разгона больше и не надо. Во-от. Ну как, под гусарский тост?

– Под него. Ура!

– Ура.

Водка пошла гладко, а за ней и бутерброд полетел голубем; впрямь, как родной.

– Несуществующий поезд – штука редкая, – сказал Азотов, проглотив последний кусок бутерброда. (Воодушевлённый его ожившим аппетитом Лёня тут же стал сооружать второй). – К тому же бес его знает, то ли он материален, а то ли нет. Зато Мёртвый Обходчик и Синяя Бригада – самая реальная реальность. Или вон «хохотушка». Слышишь, будто где-то баба смеётся?

Леонид кивнул. Смех он слышал давно и начал уже подумывать, не выйти ли познакомиться с весёлой женщиной.

– Вот. Между тем это не человек, не зверь и не птица, а тварь такая. Ростом с Жулика моего, и вид у неё... На ржавый семафор с ножками походит. Ловить её нельзя, потому что покалечиться при этом – как два пальца об асфальт. Побежишь догонять – и обязательно за что-нибудь запнёшься. Ладно, если просто ногу сломаешь, а если башкой об рельс? Зато Мёртвый Обходчик – другое дело. Он мужик правильный. Наш человек, хоть и скелет. Мелкий такой, метра полтора, субтильный. Форма у него – как при Иосифе Виссарионыче у путейских была: фуражечка с кокардой, молоточек, котомочка брезентовая через плечо, фонарь... все дела. Бродит он вдоль линии, неисправности высматривает. Едва найдёт, сейчас марш-марш к ближайшей станции или к переезду. Фонарём машет, молотком по рельсам долбит, зовёт. Кто не сробеет с ним пойти, тот аварию предупредит. Кто сробеет...

– ...Тот и станет во всех смыслах стрелочником, – хлопнул ладонью по столу Леонид. Видно было, что он не то чтобы верит в рассказы друга, но правила игры принимает и готов им следовать дальше. – А Синяя Бригада?

Азотов посмотрел на наручные часы, сверился с настенными и подмигнул:

– Это, Лёня, самое простое. Могу показать.

– Только сперва по сотке.

– Для храбрости?

– Обижаешь, отец! Для смазки. К бутерброду с курятиной.

Вторая сотка полетела совсем уж мягко. Азотов не сдержался, крикнул и сообщил:

– Хороша, злодейка.

– Ну а ты как хотел? – Леонид подпустил в голос шутливого пафоса. – Не сучок какой из Кабарды, а прославленного орденоносного завода «Кристалл» элитная водка «Путинка»! Ты, кстати, в курсе, почему её так называли?

– Что-нибудь связанное с рыбной ловлей? – предположил Азотов шутливо. – В честь путины, страды промысловиков минтая и селёдки иваси...

– А вот и хрен! – обрадовался Леонид. – В честь президента России, понял!

– Какого президента?.. – ошалел Азотов. – У нас же...

– Незримого, отец! – азартно перебил его Леонид. Он был буквально окрылён тем, что способен наконец-то поразить друга тайным знанием и орал в полный голос: – Думаешь, корпоративный фольклор только у станционных зрителей, а у нас, сырых политтехнологов, один чёрный пиар? Ничего подобного! Слушай и запоминай. В ночь между старым и новым годом, когда миром властвует безраздельно...

Они вышли на крыльцо. Справа вдоль рельсов, словно удирая от них, двигалось странное существо: изъеденная ржой металлическая коробка с десятком тонких суставчатых ножек. Спереди и сзади у коробки имелись круглые застеклённые окошечки под длинными козырьками. Жулик погнался, было, за нею, но, сделав десяток шагов, споткнулся на совершенно ровном месте и красиво кувыркнулся через голову. Вскочил, сердито и обиженно затыкал. Коробка с ножками неуклюже подпрыгнула и скатилась под насыпь, в заросли кипрея. Через мгновение оттуда донёсся короткий смешок. На этот раз прозвучал он почти что горестно. «Хо-хо-хэх!»

– Ничего себе! – выдохнул Леонид. – Поймаем?

Азотов покрутил пальцем у виска.

– Видел, как пёс навернулся? Отставить ловить!

– О'кей, товарищ старший стрелочник, – Леонид, широко оскалившись, ткнул Азотова кулаком в бок. – Вас понял! «Хохотушку» не ловим, бережём драгоценные члены и, само собой, башку. Так вот, я о президенте. В час, когда миром безраздельно правит...

Договорить ему снова не удалось. Из повисшего над путями тумана, из редкого как старая марля тумана, в котором не спрятался бы и белый Жулик Вовки Азотова, вдруг вынырнула открытая моторная дрезина. Дрезина была облупленная, прокопчённая, жёлтая с диагональными чёрными полосами; тарахтела невообразимо, а двигалась – неспешно. Спереди, на разноцветных пластиковых ящиках из-под бутылок покачивалось четверо колоритных мужчин. Все как один бородатые, в телогрейках, стёганных штанах и стоптанных кирзачах. Обнявшись за плечи, бородачи проникновенно пели – жаль, из-за треска двигателя разобрать можно было только отдельные слова. Если Леонид правильно идентифицировал обрывки, исполнялся «Отель Калифорния». Позади, свесив с дрезины голые ноги, сидела кудрявая как ягнёнок миниатюрная блондиночка. Кирзовые сапоги стояли рядом.

Телогрейка на груди девицы была широко расстёгнута.

Леонид восхищённо присвистнул.

Блондиночка задорно свистнула в ответ, пошарила рукою за спиной, широко размахнулась и швырнула в сторону наблюдателей увесистый предмет, блеснувший тёмным бутылочным стеклом.

– Берегись! – крикнул Азотов и дёрнул Леонида за рукав.

Предмет врезался в угол дома. Брызнули осколки, по стене потекла ароматная жидкость.

– Овца ты потная! – с внезапной озлобленностью закричал Азотов, грозя блондиночке кулаком. – Дикарка! И сиськи у тебя так себе!.. Вот так каждый раз, – огорчённо пожаловался он Леониду, когда дрезина исчезла: растаяла столь же внезапно, как материализовалась, оставив после себя только эхо издевательского девичьего смеха. – Нет бы, хоть раз бросила аккуратно... или катнула по насыпи, что ли. Обязательно раскокает.

– Ай-ай, отец, ты бесподобно резок к сему воздушному созданию, – пожурил его Леонид (грудки девчонки показалась ему вполне на уровне), после чего повёл носом и, вскинув брови, спросил: – Позвольте, господа, но это же... Неужели коньячок?

– Арманьяк, – сказал Азотов печально. – Выдержанный, 75-го года. «Барон Гастон Легран».

– Тогда и в самом деле – овца, – безжалостно заключил Леонид.

Он поднял осколок бутылочного донышка, обмакнул палец в остатки жидкости, дотронулся до капли языком. Блаженно закатил глаза.

– Чёрт! – сказал он вскоре. – Чёрт, досадно... Знал бы, что там летит, собственную грудь подставил бы.

Азотов с сомнением поморщился и сообщил, что сам он много раз пытался ловить бутылку, но не разу в том не преуспел. Леонид ещё раз понюхал осколок, потом скорбно скривил губы, опустил останки «Барона Леграна» в пожарное ведро и спросил:

– Слушай, Вовка, а почему эта Бригада – Синяя? Телега у них жёлтая, так? Фуфайки чёрные, так? Баба белобрысая. Нестыковочка.

– Слова, Лёня, многозначная штука, – сообщил Азотов. – «Синий» ведь не только цвет обозначает. Согласен? (Леонид кивнул.) Есть мнение, что мужики на дрезине – рецидивисты. Воры в законе, наколками разрисованные от ногтей на ногах до дёсен и коренных зубов. Настоящая «синева», короче говоря. Тут зон-то понатыкано – мама, не горюй. Ну и ушли граждане в побег, да только забрались в неподходящее средство передвижения в неподходящее время. А девка – будто бы их конвоир оттуда, – Азотов показал пальцем под ноги. – Или оттуда. –

Палец повернулся к небу. – Но я не верю. Больно смирные они для эков. По-моему, это просто компания туристов, упавшая с концами в «синюю яму». – Он для наглядности щёлкнул ногтем по шее. – Обошлись какого-нибудь ломового поила до «мультиков» и ага! В астрал вышли с чудовищной силой. А мы сейчас этот их коллективный «мультик» и наблюдаем.

– Мы наблюдаем их глюк? Ну, ты даёшь, отец, – хохотнул Леонид. – Эзотерик. Точно Азатот!

– Одного не соображу, – задумчиво проговорил Азотов, отворяя дверь в дом. – Откуда у них арманьяк, если отравились бормотухой?

– Ну, это как раз не вопрос, – бодро сказал Леонид. – Все мы временами выдаём желаемое за действительное. Хлебали твои туристы «коленвал», а как мозги у них вконец разжижились, так и стали думать, что благородный напиток потягивают. Засим вывод: замечательно, что та бутылка разбилась. Тем более, – он взгромоздился на табурет, – что у нас имеется «Путинка». И, слава богу, не одна. Ты как, отец, созрел для следующей порции? Заодно и про несуществующего президента расскажу.

Азотов глянул на наручные часы, сверился с настенными, пробурчал «два часа двадцать семь минут» и отчаянно махнул рукой:

– Разливай!

Когда приговорили вторую, стрелочника начало неудержимо клонить в сон.

– Ты, отец, не противься природе, – уговаривал Леонид, подсовывая ему под щеку свёрнутый плащ. – Давай, часок вздремни, а я твою стрелку постерегу.

– Ты не думай, что я слабак, – бормотал Азотов, не разлепляя век. – Отвык маленько. Я ведь один-то не пью, потому и того...

– Да я понимаю. Не волнуйся, отдыхай. Когда время подойдёт, разбужу.

– Разбудит он! А я не нуждаюсь! У меня библио... биологический будильник вот тут. – Азотов приоткрыл один глаз, постучал пальцем по макушке. – С хромо... хронометром на стене секунда в секунду связанный. Но если в четыре сорок две пойдёт несуществующий, Лёнька... Если только пойдёт! – Он воздел указательный палец, грозно покачал им – и отключился.

Леонид глянул на свою «Омегу», сверился с настенными часами. Вовкины ходики безбожно вращались. «Хронометр...» – пробурчал он ехидно, покачал головой и установил стрелки максимально верно. Потом накинул на плечи побелевший от старости боцманский кожанок Азотова и, поманив колбасным огрызком Жулика (одиночества он не терпел), вышел из дома.

Рельсы были покрыты мельчайшими капельками воды. От недавно уложенных шпал резко пахло креозотом. Возле механизма перевода стрелки покачивалась на одной ножке «хохотушка». При взгляде на неё создавалось отчётливое ощущение, что она до чёртиков озябла, нахохлилась и съёжилась.

– Иди сюда, скотина, – ласково позвал «хохотушку» Леонид. – Иди, согреем теплом живых сердец. Жулик, ты не возражаешь?

Жулик не возражал, против была сама тварь. Она отскочила на десяток метров, издала хриплое «хе-хех-с!» и снова встала на одну ножку.

– Ну и зря, – обиженно сказал Леонид. – Ведро ты ржавое.

«Хохотушка» снесла оскорбление молча. Должно быть, заснула. Леонид потрепал Жулика по холке, заснул руки в карманы кожанка. В одном обнаружилась пачка «Балканской звезды» и зажигалка. Он не курил очень давно, да и раньше всего лишь баловался – но тут почему-то вдруг страстно захотелось глубоко втянуть едкий дым, выпустить из ноздрей две густые струи. Может быть, закашляться...

Он спросил вслух «а кто мне мешает?», достал сигарету, прикурил. После первой же затяжки начала кружиться голова. Это было не так чтобы очень приятно, но не было и противно. Скорей забавно.

Леонид медленно посасывал сигарету и размышлял. Судя по всему, думал он, старый мистификатор Азотов разыграл меня, как несмышлёныша. Ну что такое эта «хохотушка»? Да поди-ка засунул в списанный семафор ручную ворону, умеющую подражать человеческому смеху, привязал с боков шнурки от ботинок, чтобы казалось – ножки, вот и все чудеса. А Синяя Бригада? Ещё того проще. Договорился за пузырь со знакомыми железнодорожниками, пригласил вокзальную шалаву для антуража, налил в фирменную бутылку сто граммов какого-нибудь дешёвого молдавского бренди для запаха – и готово. Аттракцион под названием «разыграй товарища» или, положим, «остроумный стрелочник и доверчивый политехнолог». А сейчас топчусь тут как идиот, несуществующий поезд жди. Потом Леонид вспомнил, как ловко загрузил Вовку байкой о новогоднем телевизионном обращении выдуманного президента (которое якобы можно поймать тонкой подстройкой приёмника между останкинским и «культурным» ТВ каналами за пять минут до боя курантов), и на душе потеплело. Неотомщённым не остался!

С тем он и засмолил вторую сигарету... которая оказалась, безусловно, лишней. Голову вмиг обнесло – не успел докурить до половины, – к горлу подступила тошнота, ноги задрожали. Он поспешно опустился на землю, кажется, придавив задремавшего Жулика. Легче не стало. Земля понеслась вкруговую, норовила вывернуться из-под сиденья, опрокинуть его – и обязательно лицом вниз. Леонид изо всех сил вцепился руками в рычаг путевой стрелки. Мир кувыркался. Рельсы и шпалы водили вокруг него бешеный хоровод, пробудившаяся «хохотушка» ходила колесом и шумно радовалась, Жулик выл, и только холодный стержень рычага, неколебимый, точно земная ось, оставался на месте.

Леониду показалось, что головокружение тянулось невообразимо долго. Худо-бедно оклемался он, лишь услышав приближающийся крик. Кричал Азотов. Он бежал от избушки каким-то странным зигзагом, бежал до чрезвычайности медленно, на каждом шагу ноги его переплетались, а перед ним тем же зигзагом двигалась ржавая семафорная коробочка на тонюсеньких ножках. «Та-та-тат-та... Та-та-тат-та» – стучал внутри коробочки деревянный молоточек. Наконец Вовка шлёпнулся и заорал совсем уж страшно:

– Стрелка! Лёня, перебрось стрелку! Скорый! Четыре сорок две! Несущее...

Окончание его слов заглушил пронзительный рёв тепловозного гудка. Леонид судорожно задёргал рычаг, который никак не желал подаваться. Не то роль мировой оси показалась капризной железке очень уж привлекательной, не то просто Леонид действовал ошибочно – но стрелка так и осталась неподвижной.

Скорый налетел, мощно толкнув холодным влажным воздухом.

Несуществующий поезд более всего походил на гигантский многосоставный гоночный автомобиль тридцатых годов – если, конечно, существовали тогда многосоставные автомобили. «Глазастый», металлически-серебристый, обтекаемый, с многочисленными продольными рёбрами жёсткости и стеклянным горбом кабины. Вагонов было не больше десятка, все такие же блестящие и «зализанные», как локомотив. Вместо окон тянулся двойной ряд овальных иллюминаторов. Колёса гремели, будто трубный глас апокалипсиса, и уплотнившийся воздух теперь уже не отталкивал, а напротив, затягивал под брюхо экспресса. Леонид заверещал и, как был, на карачках пополз прочь. Секунда – и поезда не стало. Словно не было никогда. Словно он не существовал.

Пронесло, подумал Леонид. Пронесло. Неужели пронесло?

– Эгей, матрос! – насмешливо окликнул его Азотов. Он успел подняться и отряхивал штаны от белой щебёночной пыли. – Тебя от страха не пронесло?

Леонид посмотрел на него диким взглядом.

– Я, кажется, не перевёл стрелку, отец, – сказал он сипло. – Что сейчас будет? Крушение?

– Ничего серьёзного не произойдёт, – хладнокровно сказал Азотов. – Он же несуществующий, Лёня.

– Ты уверен? – с надеждой спросил Леонид. Сейчас он больше всего на свете нуждался в подтверждении того, что грохочущего чудовища, минуту назад едва не измолотившее его своими колёсами в фарш, действительно не существовало.

– Абсолютно, – без колебаний проговорил Азотов. – Абсолютно уверен.

– Слушай, отец, – сказал Леонид, – у нас там водки не осталось?

* * *

– Кому сигналили? – поинтересовался Андрей с плохо замаскированной ехидцей. – Волкам? Тут же на сто километров ни души.

Машинист с помощником переглянулись. Стажёр за пять совместных рейсов надоел им хуже керосину. Слава богу, этот рейс – последний. Потом зануду переведут помощником на пригородную пневматичку, на седьмую дистанцию пути. Пусть перед грибниками поехидничает.

– Я сигналил Обходчику, – сдержанно сказал Семён Владимирович. – «О» – заглавное.

– Мёртвому, – очень членораздельно добавил Потапов. – «ЭМ» – тоже.

– Господи, ну перестаньте вы меня разыгрывать, – всплеснул руками Андрей. – То у вас Синяя Бригада какая-то на моторной дрезине, то стрелочники несуществующие. То обходчики мёртвые. С заглавной вдобавок. Хорошо грузить, а?

Семён Владимирович задумчиво потербил ус.

– Ладно, – сказал он. – Ладно, пацан, я покажу тебе несуществующего стрелочника. Это, конечно, против правил, каждый сам должен его увидеть, но ты меня просто забодал, понял? Через километр по правую руку будет место. Уткнись лобешником в ветровое и смотри внимательно. Если повезёт, увидишь ручную стрелку, которая не обозначена ни на одной схеме. Если очень повезёт – то и стрелочника. Только моргай пореже и не крути тыквой.

– Ага, а вы будете за моей спиной ржать, – сказал Андрей, но послушался-таки: приник лбом к стеклу и стал смотреть.

Когда завыл гудок, он вздрогнул, но не пошевелился. Затем повернулся и дрожащими губами проговорил:

– Он не смог перевести стрелку. Этот упырь не смог перевести стрелку!

– Что?! – в голос заревели Семён Владимирович и Потапов. – Там же товарняк по встречной!

– Но ведь он несуществующий, – почти плача прошептал Андрей, – этот стрелочник. Скажите, он ведь действительно не существует? Скажите...

Смертельная рана бойца Сысоева

Боец Красной Гвардии Самсон Сысоев был ранен. Он был ранен смертельно, ранен точно в сердце. Он был поражен наповал. С каждым выдохом жизнь улечивалась из его богатейшего рабоче-крестьянского тела – и удержать остатки витальной энергии не было ни малейшей надежды. Впрочем, представление о витальной энергии Самсон Сысоев имел совсем не то, что мы с вами; а вероятнее всего, не имел такового представления вовсе. Зато одно он знал определенно – помирает. А скоро и совсем отдаст концы.

– Пробоина ниже ватерлинии, – заметил по этому поводу красный матрос Матвей Лубянко. – Идёшь ко дну, как «Ослябя» под Цусимой.

Человека, нанесшего без нагана или шашки неизлечимую рану, звали мадемуазель Марго. Именно так, мадемуазель – и никаких гвоздей! Она состояла при командире особого Отряда имени взятия Бастилии и являлась то ли телефонисткой, то ли телеграфисткой, а, в общем-то, проверенной соратницей самого товарища Яциса. У неё были шальные глаза, яркие губы, короткая стрижка, картавый нерусский выговор и полный бабий боекомплект. Буржуазная сублищность, свойственная, как правило, телеграфисткам и мадемуазелям, у Марго отсутствовала совершенно. Она курила тонкие чёрные сигареты и носила белогвардейский френч с полковничьими погонами. Синие галифе заправляла в юфтовые сапожки, а талию перетягивала ремнем так, что казалось – того и гляди, перережет себя напополам.

Когда товарищ Яцис и Марго устраивали в барских спальнях шумные ратные сражения, эскадронные кони, стоящие в бальной зале, испуганно фыркали и прыдали ушами, бойцы завистливо кричали, а Самсон Сысоев, схватив уздечку, убегал в лес и искал сухой дуб с крепкими ветвями. Дубы всё попадались живые, а на осину он не хотел. К тому же, понимал Сысоев, уздечка веса его семипудового тела не выдержит. Он валился ничком на землю, колотил по ней тяжёлыми кулаками и клялся, что застрелит товарища Яциса, застрелит сучку Марго – и понятно, застрелится потом сам.

Со стрельбой спешить, однако, не следовало. Особый Отряд имени взятия Бастилии скрытно занимал усадьбу Осиное Городище не просто так. Красногвардейцы ждали прибытия в свою вотчину помещика Терпильева, содомита, богатея и чернокнижника. Пристрастие Терпильева к колдовству и порочной любви было для молодой республики категорически безынтересно. Зато отнятые у трудового народа сокровища следовало непременно вернуть законным хозяевам. По проверенным сведениям, терпильевская казна была схоронена где-то в усадьбе; к сожалению, обнаружить её покамест не удалось. Тот же надежный источник извещал, что кровосос намеревался в ближайшее время явиться за сокровищами. Дабы потом укатить с ним в город, где сто тридцать один год назад революционные французы вершили деяние, принесшее особому отряду товарища Яциса звонкое имя.

– А вот рынду ему в корму! – образно выразился по этому поводу красный матрос Матвей Лубянко. – Будет буржую вместо Парижа прогулка до ближайшего овражка.

Когда Яцис в очередной раз увлёк мадемуазель Марго отбить телеграмму товарищу Троцкому, Самсон Сысоев не выдержал. Забрал свой карабин и, не надевая казацкой шапки с алой лентой, помчался огромными прыжками, куда глаза глядят.

В какую сторону глядели застилаемые слезами обиды и ненависти глаза, сами черти не разобрали бы.

* * *

Опомнился Самсон по пояс в воде. Ноги помаленьку засасывало, лицо и руки облепляли тысячи комаров, в левый бок тыкался борт лодочки. Лодочка была смешная, не для рыбалки или перевозки груза, а для катания праздных институток – словом, барская игрушка.

«Утоплюсь», – решил он.

Сказать начистоту, Самсон вовсе не был уверен, что парковый пруд, к которому его занесло, имел достаточную глубину для утопления, больно уж мал; ан попытаться стоило. Самсон без труда выворотил столбик, к которому тянулась цепь от лодочки, бросил его на дно судёнышка, забрался сам и начал грести. Прикладом.

Лодочка вихляла и рыскала, но Самсонова настойчивость принесла-таки плоды. Минут через десять он доплыл до центра пруда. Сквозь прозрачную воду виднелось илистое дно – всего в какой-нибудь паре аршин. Между красноватых водорослей лениво плавали пузатые золотобокие карпы. Самсону очень живо представилось, как он лежит, наполовину погрузившись в ил, пшеничные кудри медленно колышутся, а помещицьи рыбины жадно обсасывают толстыми губами мясо с его белых боков. Стало тошно как никогда в жизни. Он шумно стравил за борт недавно съеденную гороховую кашу и погрёб обратно.

Сазаны, толкаясь, ринулись подбирать дармовой корм.

Начинались сумерки. Самсон Сысоев сидел, прислонившись спиной к стволу дуба, и размышлял. Мысли в голове бродили откровенно контрреволюционные, о таких и близкому другу поостережешься сознаваться. Например: «А может, ну её к лешему, пролетарскую республику, раз и в ней нету нашему брату полного счастья! Найти бы барские сокровища, украсть их вместе со сладкой заразой Маргошкой, да мотнуть в Париж!» Истомившееся страстью сердце, являясь органом мелкобуржуазным, не способствует укреплению классового самосознания.

Вдруг послышался хруст веточки. Кто-то тихонько двигался по парку, – а вернее сказать, крался. Самсон осторожно высунул из-за дуба сперва голову, затем и ствол карабина. Крадущийся человек имел одежду гражданскую, рост средний, фигуру худощавую, а лицо – явственно белогвардейское. Впрочем, на противное рыло Терпильева, известное Самсону по давно сожженным портретам из залов Осиного Городища, лицо это вовсе не походило.

«Может, сын?» – подумал Сысоев, подождал, пока белогвардеец приблизится, и заступил ему дорогу. Тот испуганно пискнул и замер в нелепой позе. Самсон без промедления долбанул карабином под рёбра, добавил по загривку. Хорошо добавил. Худощавый, охнув, повалился. Самсон живо его обшарил, нашел маленький револьвер (заряженный, но два патрона уже сожжены) и потертое кожаное портмоне (пустое как нора церковной мыши). На серебрястом замочке портмоне имелась гравировка. Самсон кое-как читать умел и разобрал фамилию. Рукавицын.

– Вставай, поручик, – скомандовал Сысоев, пряча трофеи в карман.

– Я не поручик, – пробормотал Рукавицын дрожащим голосом, в котором явно присутствовали женские нотки. – И вообще не офицер.

– Это ты скоро ангелам расскажешь, – пошутил Самсон. – Вставай и марш к дереву.

– Как... То есть, зачем к дереву?

Вместо ответа Самсон передёрнул затвор карабина.

– Вы хотите меня убить? Но почему, солдатик?

– Потому что... – Самсон внезапно задумался. И впрямь, с какого рожна он решил шлёпнуть этого человека? Ответ не находился, однако досказать фразу следовало, и он сообщил: – Потому что ты контра белопузая.

– Вы ошибаетесь, солдатик, – тихо сказал Рукавицын. – Я не белогвардеец, я художник.

– Художник? – заинтересовался Самсон. – И чего ты рисуешь? Небось, голых баб?

– Нет, я портретист. Но случалось писать и обнажённую натуру. – Рукавицын робко улыбнулся.

– А здешнего фон-барона, случаем, не ты малевал?

– Да-да, среди прочих и я. Константин Константинович был моим... да и не только моим... словом, он был меценатом. Если, конечно, вам что-то говорит это слово, солдатик.

– Не дурнее некоторых, – сказал Самсон и перевёл мудрёное слово на привычный язык: – Мужеловец, чего ж тут не понять. А ты, видно, его краля.

– Вы... вы... Вы мужлан и грубиян! – воскликнул обиженно Рукавицын. – То, что у вас в руках ружьё, ещё не даёт вам права...

– Даёт, – коротко прервал его Самсон. – Начинай молиться, художник.

– Неужели вы сможете вот так запросто убить человека?

– Не сомневайся.

– Ах, мерде! – непонятно выругался (то, что выругался, было понятно) Рукавицын и быстро, горячо заговорил: – Подождите, солдатик! Застрелив меня, вы совершенно ничего не выиграете! Оставив же в живых, сможете приобрести многое! Очень многое!

– Имеешь в виду сокровища Терпильева? – заинтересовался понятливый Самсон. – Так ты, значит, за ними сюда пожаловал.

– Н... ну, в общем, да.

– А где сам иметыценат?

– Н... ну, в общем... он погиб, – промямлил Рукавицын, отводя глаза. – Буквально вчера, в каких-нибудь десяти вёрстах от своего родового гнезда. Несчастный случай. Бедный, бедный Константин Константинович...

Самсон вспомнил два патрона с пробитыми капсюлями в барабане маленького револьвера – и понимающе ухмыльнулся.

– Он, значит, отдал боженьке душу, а ты – за его побрякушками бегом. Проворный вы народ, художники, нечего сказать.

Рукавицын молча пожал плечиками. Самсон смотрел на него, прищурившись, и размышлял вслух:

– Этакую прорву сокровищ, какая должна у Терпильева иметься, за пазухой не увезёшь. И обоз, обратно рассуждая, от любопытных глаз запросто не спрячешь. Ну, тебе-то, заморышу, и горстки червонцев хватит. А хозяйчику твоему, конечно, всё забрать хотелось. Как собирались богатство-то вывозить? Отвечай, контррра, а то мигом в распыл пушу!

Художник затрясся. Самсон, понимая, что Рукавицына надо дожимать, вскинул карабин.

– Тайный ход! – выпалил художник. – Из хранилища ведёт тайный ход напрямиком в парижский дом Константина Константиновича!

– Рехнулся от страха, – пожалел художника Самсон Сысоев. – Придётся вести к Яцису. Тот до революции братом милосердия в жёлтом доме был, с дурачками обращаться умеет.

– Нет, нет, солдатик, вы ошибаетесь, – заспешил Рукавицын. – Я здоров, совершенно здоров! А ход существует в действительности. Константин Константинович долгое время изучал халдейскую магию и достиг потрясающих, просто потрясающих успехов! Незадолго до того, как сюда нагрянули буденновцы, ему привезли из Месопотамии надгробную плиту апокрифической Владычицы Ос. Умея правильно использовать этот артефакт, можно попасть в любую часть света! К сожалению, только в одну сторону. Константин Константинович установил канал к своей французской резиденции. По нему и скрылся с небольшой частью сбережений, когда конные орды...

– Ладно! – нетерпеливо прикрикнул Самсон. – После доскажешь. Где вход к золотишку?

– В садовом павильоне, – сказал Рукавицын. – Там одна колонна вращается вокруг скрытой оси. Следует лишь...

* * *

Они стояли перед большой овальной каменной плитой, сплошь покрытой значками и рисунками. Посредине плиты была очень крупно изображена наполовину женщина, наполовину оса. Лицо у неё оказалось – точь-в-точь как у телеграфистки Марго. Вокруг кишмя кишели махонькие голенькие человечки. Когда Самсон присмотрелся к человечкам и понял, чем они занимаются, его вывернуло снова. Прямо на плиту.

Рукавицын радостно воскликнул и взглянул на Самсона с уважением:

– Откуда вы знали, солдатик, что Владычицу Ос следует покормить, прежде чем она откроет портал?

Ответить Сысоев не успел.

– Тэк-с, тэк-с, тэк-с! – раздался из-за спины отрывистый голос товарища Яциса. – Что же это вы, мсье Рукавицын, меня подводите? Я ведь могу и обидеться. Мы же договаривались, что никаких посторонних... А ты, Сысоев, – Яцис навёл на обернувшегося Самсона ствол маузера, – брось карабин! Живо! Вот, моло...

Договорить он не успел. Самсон нарочно шумно, с матом и широким размахом, швырнул оружие в сторону. А когда командир скосил глаза, выхватил из кармана крошечный револьвер художника и спустил загодя взведённый курок. Левый глаз товарища Лациса тотчас лопнул; глазница наполнилась чёрным, смолистым. Командир особого Отряда постоял секунду, точно пытаясь сообразить, откуда в его голове могла взяться смола, потом крутанул винтом и упал навзничь.

Рукавицын сперва завизжал, ровно подраненный заяц, потом вдруг бросился к подёргивающемуся телу Яциса. С неожиданной силой отпихнул его в сторону, зачерпнул ладонью из тёмной лужицы, натекашей под простреленным глазом, и понёс жуткую добычу к халдейской плите. Путь его отмечал след из багровых капель. Бормоча «не только накормить, но и напоить, напоить...» художник начал намазывать кровью лицо Владычицы Ос. Затем обернулся к Самсону и заорал срывающимся голосом:

– Чего вы ждёте, солдатик?! Хватайте, хватайте драгоценности! Обязательно вон те две шкатулки из слоновой кости, там бриллианты. И ещё вон тот большой тубус, в нём подлинник кисти Рембрандта! Шевелитесь, солдатик! Сейчас я произнесу шибболет – и портал откроется.

– Чего-чего ты произнесёшь?!

– Ну, пароль, – раздражённо отмахнулся Рукавицын.

– Какой пароль? – спросил Самсон, поднимая ствол револьвера на уровень лба художника.

– Точка зрения, – ответил Рукавицын, по-детски улыбувшись. – Константин Константинович был остроумнейшим человеком, упокой, господи, его душу. Шибболет – ТОЧКА ЗРЕНИЯ.

Самсон краем глаза заметил, как после этих слов начала наливаться тёплым медовым свечением и превращаться в толстую не то трубу, не то воронку надгробная плита Владычицы Ос – и нажал на спуск.

Марго он отыскал в кабинете покойного Терпильева, возле пылающего камина. Телеграфистка держала в одной руке чудом уцелевший помещичий бокал, полный самогона, в другой – погасшую сигарету и нетрезвым голосом распевала «Марсельезу» на басурманском языке.

Самсон подошёл к ней и спросил прямо, не виляя:

– Хочешь со мной в Париж? – и добавил нежно: – сучка.

– Г'азумеется, мой богаты'гь, – не задумываясь, ответила та. – С тобой – хоть к че'гту в пасть!

– Тогда пошли! – сказал Самсон и крепко взял её за руку.

Когда, брошенная на полосатую тигриную шкуру; осыпанная дождём из сотен бриллиантов; вдохнувшая ароматы, что струились из окна, выходящего на Булонский лес, Марго растегнула перед Самсоном Сысоевым поясok (перетянувший её талию так, что казалось: вот она, Владычица Ос – не апокрифическая, заправдашняя), – смертельная рана в сердце бывшего красногвардейца рассосалась навсегда.

– Пластырь наложен, течь ликвидирована, – мог бы высказаться по этому поводу красный матрос Матвей Лубянка. И напутственно прибавить: – Большому кораблю большое плавание.

Однако ему было не до того. Матвей Лубянка сидел за барским столом, заваленный по уши внезапно обнаруженными под садовой беседкой ценностями помещика Терпильева, содомита, богатея и чернокнижника, и составлял реестр находок. Работал он скрупулёзно и усердно, ведь записи предстояло передать самому товарищу Троцкому!

Задача была адова. На бессонную неделю минимум.

Фактор массы

Проклятый телефонный звонок фактически снял меня с бабы. Fuck-тически. Я в первый момент даже струхнул. Представилось мне, что звонок – дверной и означает: Инкин мужик нагрянул, капитан Сутормин. Дежурство по части, конечно, штука серьезная. В ДОС, посмотреть, как там твоя благоверная почивает, просто так не сбежишь. Но кто его знает, вдруг любящее сердце сбой дало, погнало из дежурки вопреки Уставу. Именно так, с прописной, потому что Сутормин иначе мир не видит. Здесь Устав, здесь отсутствие Устава. Где он есть хорошо, где нет, нужно поскорее ввести.

Между прочим, сам я на сердечные толчки внимание обязательно обращаю, потому что знаю – спроста они не случаются. Однако, как я уже сказал, это был телефон. Мобила.

Моя.

Инка обвила меня ногами и руками, зашептала горячо, не бери, Кириллушка, плюнь, идут они все суходелом. Только трубу я всё-таки взял. Мало ли.

Оказалось, не мало.

Звонил как раз Сутормин. Но не для того, чтоб узнать, сладко ли меня его жёнушка ласкает и не нужно ли добавить жару нашим объятиям. Из табельного пистолетика, х-хэ. А для того чтоб скомандовать: тревога, старший лейтенант. Ноги в руки и дуй живо в расположение роты. Тебя тут ждут. И слышалось в его тоне что-то такое, что я не стал ворчать, не остался даже добить последний пистончик с кошкой ненасытной Инночкой, а живо взял ноги в руки и – дунул.

От домов офицерского состава до казармы разведроты, где я командиром второго взвода (а капитан Сутормин – ротным) расстояние километра три. Половина по гражданке, половина по территории полка. До КПП я шёл быстрым шагом, после рванул рысцой.

Возле казармы меня уже ждал дежурный по роте, сержант Комаров. Морда у него была абсолютно дикая, руки тряслись. И сигарета во рту тоже подрагивала. Представив, как Сутормин мог обойтись с ним, застучав дрыхнувшим на дежурстве, я даже слегка пожалел парня. Хоть и не за что – если он в самом деле массу давил.

– Ну, Комар, что тут за аврал? – Я хлопнул его по плечу. – Третья мировая объявлена?

– Да хрен знает, товарищ старший лейтенант. Может, и мировая. Ротный прискакал, как в дупу ужаленный, а с ним двое каких-то левых. Один полкан с авиационными петлицами, второй не разбери кто. Камуфля городская новьё, знаков различия нету. По лицу – тоже военный. И не из маленьких. Уж не генерал ли. – Сержант глубоко затянулся и жалобно сообщил: – Прикиньте, товарищ старший лейтенант, ротный меня чуть не убил.

– Кемарил, – сделал я вывод.

– Да ни боже мой, товарищ старший лейтенант. Читал...

– ...Устав гарнизонной службы, – добавил я с фальшивым участием и подмигнул.

– Ну, если и устав, то никак не гарнизонный. «Пентхауз», – сказал приободрившийся Комаров и подмигнул в ответ.

А чего ему от меня-то скрывать. Я ж дембелям ротным и принёс этот журнальчик. Чтоб в гражданскую жизнь помаленьку втягивались.

– Где они сейчас? – спрашиваю.

– В канцелярии сидят.

Я ещё раз хлопнул сержанта по плечу и двинул в помещение. Дневальный стоял как кол, только глазами вращал. И на него, значит, ротный страху нагнал. Умеет он это дело, слонов в ужас вводить. Умеет и любит. Особенно когда дежурным по части заступает.

Мимоходом кивнув солдатику, я стукнул костяшками пальцев в дверную филенку канцелярии и вошёл.

Авиационный полковник сидел за столом, штатное расписание роты листал. Мужик в сероватом «пиксельном» камуфляже пристроился на краешке столешницы, покуривал. А Сутормин держался совсем как дневальный: торчал навтыжку возле ротной тумбы-сейфа. И только в пальцах повязку дежурного по части нервно теребил. Видать, по-настоящему крутые шишки эти двое.

А я, как назло, даже не в форме. Джинсики, курточка, кроссовки. Из военного – одна фуражка, и та не по уставу. В столичном ателье построенная, диаметром сантиметров на пять шире положенного, сантиметра на три выше; и кокарда шитая. Стильный «аэродром», если кто толк понимает. Ну да что тут поделаешь? – вытянулся я, представился как положено. Так и так, по вашему приказанию, старший лейтенант Коротких.

– Коротких, гм? – хмыкнул полкан и хлопком закрыл журнал штатного расписания. – Во ты шутник, лейтенант!

Я невозмутимо промолчал, делая вид, что до меня, как до жирафа юмор с поздним зажиганием доходит. Привык к подобным подколкам. А вот то, что летун «старшего» в звании моём исключил, запомнил накрепко. Будет возможность, отквитаюсь. Я злопамятный.

– Почему не по форме?.. – начал шипеть капитан, но камуфлированный сделал знак пальцами с сигаретой – словно намеревается её бросить ротному в хайло – и Сутормин заткнулся. А потом и вовсе вышел, повинуясь столь же безмолвному, однако выразительному приказу, произведённому опять же жестом: «свободен».

Он что, немой? – промелькнула у меня мысль.

Тут камуфлированный ловко соскользнул со стола и начал говорить.

И чем больше он говорил, тем сквернее делалось у меня на душе. Да и было от чего.

Короче, ситуация сложилась следующая. Неподалеку от нашей части обнаружена зона гравитационных и тектонических возмущений. Зарегистрированы зоны напряжённости в земной коре. Словно откуда ни возьмись, образовалась геосинклиналь. В одночасье, можете это себе представить, старший лейтенант.

Я мужественно вслушивался в эту абракадабру и бровью не вёл. Сначала не вёл, а потом-то да, повёл. Когда мотнул башкой, показывая, что никак нет. Не могу себе такого представить, чтобы геосинклиналь – и в одночасье!

– Ну ты, Георгиевич, окоротись. Совсем задурил литёхе мозги со своими, бляха-муха, терминами, – пробурчал в этот момент полкан. – Мне-то задурил, а ему тем более. Дай-ка лучше я. По простому, по рабоче-крестьянски.

То есть, у него и в мыслях нету, что какой-то старлей из пехоты (пусть даже командир разведвзвода) может разбираться в геотектонике лучше, чем он, летун. Голубые петлицы, голубая кость.

Хотя, в общем, он на этот раз прав. Так оно и есть.

– Слушай сюда, разведка. В пятнадцати километрах от вашей части какая-то херня творится. Датчики зафиксировали, что ни с того, ни с сего, буквально за минуту, образовалась зона повышенной сейсмоактивности. Будто, бляха-муха, прямо сейчас землетрясение начнётся. А такого быть попросту не может, здесь эта активность нулевая по жизни. Во-от. Ну и в команде Георгиевича возникло предположение, что это наши, бляха-муха, геополитические друзья с сейсмическим оружием балуются. А здесь такое дело... да ты, поди, в курсе, разведка? – И посмотрел на меня вопросительно. И камуфлированный Георгиевич посмотрел.

– Так точно, товарищ полковник, в курсе. Шахты стратеги...

– Вот и хорошо, что объяснять не нужно, – прервал меня камуфлированный. – Специалистов мы вызвали, но пока то да сё, придут они только к двенадцати часам дня. И это в лучшем случае. Поэтому первичную разведку произведёте вы, товарищ старший лейтенант. Подберите себе бойцов посмышленнее. Четверых, я думаю, достаточно. Берите сухпаёк на сутки, воду, оружие. Две рации. Боеприпасы.

– Боевые боеприпасы, – веско изрёк полкан.

– Вопрос разрешите, товарищ полковник? – сказал я. Он кивнул. Тогда я набрался решительности и спросил: – Если там с минуты на минуту землетрясение ёкнет, какой смысл в разведке? Чего я там увижу такого, что нельзя засечь с вертолёта или спутника? Успею замерить ширину трещины в земле, перед тем как в неё ухну? Только солдат загублю. И зачем в таком случае оружие?

– Ты не умничай, – начал кипятиться полкан. – Приказ дан, вперёд и с песней. Будешь докладывать обо всём, что увидишь. Хоть о щелях в земле, хоть о барсучьих берлогах, хоть о гражданских лицах типа грибников, понял?! А оружие для дисциплины, понял?! Двадцать минут на подготовку. Кругом, шагом марш.

Я губы сжал, стою неподвижно.

– Что тебе неясно, лейтенант?! – заорал полковник и медведем полез из-за стола, роняя кресло. – Бегом, н-на...

– Вы мне не командир, – процедил я, зная, что прав на все сто. И что я ему сейчас бесконечно нужнее, чем он мне. Поэтому хрен что сделает. Хотел ещё добавить из мстительности «подполковник», но сдержался. – И приказы ваши я выполнять не обязан.

У полкана, ясно, образовалась полная пасть кипящего говна на почве противоречия младшего по званию. Того и смотри, плевать начнёт. Или захлебнётся. Что предпочтительней, конечно. Так-то тебе, сука, икнулось за нежелание правильно моё звание произносить, думаю.

Тут камуфлированный встал между нами, приобнял меня за бочок и повёл вон из канцелярии, приговаривая, что зря я в позу встаю. Всё уже обговорено с командиром полка. О чём мне дежурный по части прямо сейчас и доложит.

Доложил, конечно, рогоносец.

* * *

Когда рота в наряде, это значит, что слонов в расположении – раз, два и обчёлся. Караул, кухня, техпарк – везде люди нужны. А разведрота не так велика, как обычная мотострелковая. Вот и получается, что свободного народа в казарме остаётся человек десять. Включая наряд по роте. Остаются, ясное дело, самые дедушки. За исключением дневальных. Как раз то, что мне надо. Не брать же с собой духов? Только нянчиться с ними.

В общем, взял я сержанта Комарова, сняв с дежурства, а ещё младшего сержанта Косиевича, и двою рядовых – Молоканова и Махмудова. Молох и Махмуд парни с большим самомнением, зато лоси здоровые и специалисты классные. Рации им навесил. Р-125 не такая уж громоздкая, но в походе дисциплинирует неслабо. Обмундировал личный состав как положено. Комбезы, берцы, десантные ранцы, фляги, химические свечи. Паёк сам набирал, не скупился. Каски, поразмыслив, велел оставить, а противогазы и сапёрные лопатки – взять. Автоматы, к ним по три снаряженных магазина и десантный нож каждому. Себе вдобавок пистолет. Не в роли боевого оружия, конечно, а как символ власти. Очень способствует беспрекословному выполнению приказов. Особенно когда ситуёвина напряжённая.

Загрузили нас в «ГАЗон» шестьдесят шестой, тент опустили. Видимо, в целях сохранения тайны местоположения сейсмоопасной зоны. Чтобы мы потом по своей воле туда не наладились бегать. Ягодки собирать в разломах земной коры, х-хэ.

Лётный полкан, всё ещё бешеный от моего непокорства, сел в кабину, а камуфлированный Георгиевич к нам забрался. Рядом со мной примостился.

Тронулись.

Бойцы сидели смирно, не переговаривались. Наверное, досыпали. Я им для душевного спокойствия объявил, что проводятся учения, максимально приближенные к реальной боевой

обстановке. Поверили или нет, трудно сказать. С одной стороны, им такие ночные вылазки не впервой, разведрота она разведрота и есть. Но с другой – наличие чужого старшего офицера и непонятного типа без знаков различия должно даже самого тупого слондата наводить на всякие мысли. А мои ребята в целом башковитые.

Ничего, на месте разберусь, говорить правду или так оставить.

Отъехали совсем немного, когда Георгиевич ткнул меня локтем в бок и сделал знак, чтоб я наклонился ухом к его устам.

Не сахарные они оказались, ой не сахарные. Потому что полился из них чистый напалм, если вы понимаете такую вещь как иносказание.

Выяснилось, что помимо сейсмических толчков в ожидающем нас районе зафиксировано ещё кое-что. А именно, атмосферные явления, наводящие на мысль о вторжении инопланетного зонда. Вот так, и никак иначе. Потому что факты, и нечего ржать. Во-первых, наблюдалось приземление крупного объекта, не похожего ни на что известное.

Во-вторых, сразу после посадки над зоной образовалась какая-то мелкодисперсная линза, непроницаемая для всех видов излучений. «Крыша». Что-то вроде плотного облака метров полста толщиной и километров семи в диаметре. По всему объёму линзы наблюдаются вспышки фрактального свечения. Из космоса того, что происходит под линзой, не снимешь. Из верхних слоёв атмосферы тоже. Ни в ИК, ни в УФ, ни в рентгене. Ни в радио, ни в оптике. А нижние слои атмосферы этой «крышей» жёстко блокируются. Электрика вертолётов и самолётов выходит из строя примерно в километре от её видимой границы. Но что хуже всего, линза разрастается. Вместе с ней увеличивается район бедствия. Рост сопровождается пресловутыми сейсмическими толчками и ещё кое-чем, настолько специальным, что объяснять неподготовленному человеку бесполезно. Такая вот петрушка. Козе понятно, что наш рейд – припарка мёртвому. Всего лишь временная затычка до прибытия спецов; галочка в графе «предпринятые действия». Наверху одурели, грозятся адскими карами и требуют немедленных мер. Вот и пришлось отреагировать на скорую руку. И ещё. До нас туда уже вошла группа исследователей. Самодеятельная. Клоуны из комитета по исследованию НЛО. Вошла, и будто в трясину канула.

При лётном полковнике Георгиевич мне об этом говорить не хотел. Да и сейчас не имеет права. Но бросать людей в полную безвестность ему не позволяет самая обыкновенная порядочность... – ну и дальше пошла унылая мура, которой обычно сопровождается отдавание смертоубийственного приказа, если отдает его гражданское лицо. Стало быть, никакой он не офицер, ошиблись мы с сержантом Комаровым.

– М-мать, – только и смог сказать я, когда он закончил бормотать. Потом, помолчав, спросил: – В таком случае, какая у нас настоящая задача? Действовать или имитировать действие? Я что-то совсем запутался.

– Действовать, разумеется. Выполнить первичную разведку. Постоянно держать связь, докладывать каждые пять минут. При возможности – захватить «языка».

– Ликвидация остального экипажа тарелочки?

– Может, там и нет никакой тарелочки...

– Ну а всё-таки?

– Это было бы крайне нежелательно. Уничтожить весь район, как вы понимаете, мы способны и без диверсантов. В любое время.

– Типа, ядрёной бомбой? Поблизости от ракетных шахт? – Я иронически заломил бровь. В темноте кузова пантомима моя, само собой, оказалась неоцененной. – Впрочем, ладно, не моё дело. Что с уфологами делать, если встретим?

– Пиздюлей навешать, – с ненавистью сказал Георгиевич, – и гнать оттуда взашей. Если ещё кто-то встретится, тоже гнать. Но без насилия.

– Задание понятно, товарищ...

– Пусть будет Главный, – проговорил он после короткой заминки.

- ...Товарищ Главный. Разрешите бойцам сообщить?
 - На ваше усмотрение, – сказал товарищ Главный и передвинул задницу от меня подальше. Разговор, стало быть, окончен.
- А через несколько минут мы остановились.

* * *

Район бедствия опасным не выглядел, да и чувства, что находиться поблизости опасно, не вызывал. Обыкновенный сосновый лес. Линзу эту злосчастную за кронами вообще не видно. Неба, правда, тоже видно не было. Прямо над нами помаргивали звёздочки и позади звёздочки, а впереди – темень. Не как ночные облака, а просто мрак. Иногда только что-то проблёскивает, будто в гранёную стекляшку тоненький лучик лазерной указки попадает. Наверное, то самое фрактальное свечение и есть.

Мне вручили карту с отмеченной точкой «максимальной активности», выдали каждому из бойцов по мощному фонарю и скомандовали: марш, разведка.

В этот момент земля ударила в ступни. Мягко, едва ли не вкрадчиво, но колени всё равно подогнулись, а в животе образовалось противное сосущее ощущение. Такое бывает у стоматолога, если новокаина больше требуемого вколют. Предобморочное, угу. А спустя секунду пришёл звук. Был он не то чтоб очень громким, но как бы это выразиться... всеобъемлющим. И так хватил по барабанным перепонкам, что я на некоторое время оглох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.